

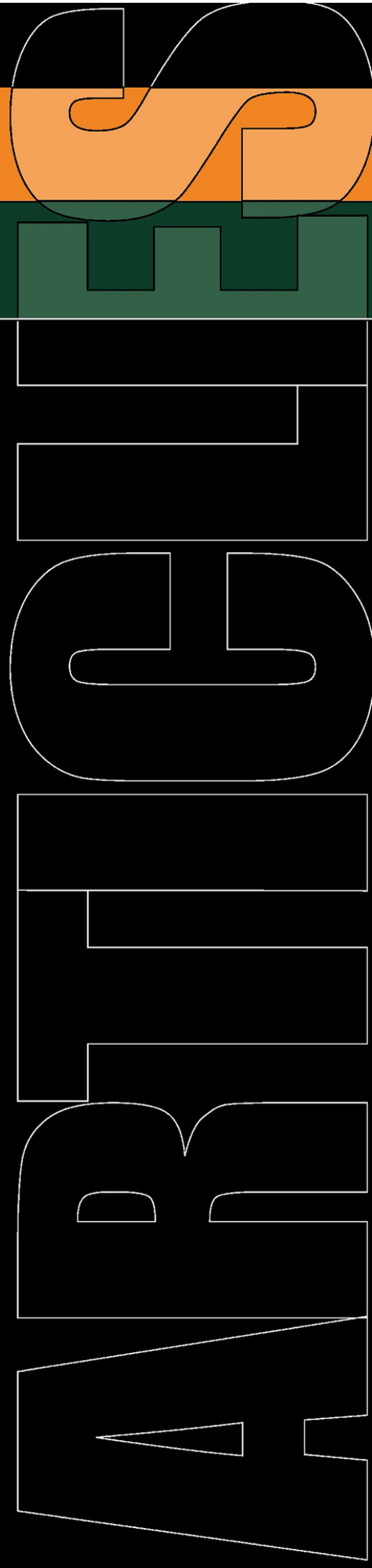
**АВСТРИЙСКАЯ
ШКОЛА**

6

выпуск

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Австрийская школа

Хесус Уэрта де Сото

**Социально-экономическая теория
динамической эффективности**

«Интермедиатор»

2009

УДК 330.831.2
ББК 65.02

Уэрта де Сото Х.

Социально-экономическая теория динамической эффективности
/ Х. Уэрта де Сото — «Интермедиатор», 2009 — (Австрийская
школа)

ISBN 978-5-91603-657-2

Это четвертая книга Хесуса Уэрта де Сото, вышедшая на русском языке. Во включенных в сборник статьях автор исследует разные аспекты динамического процесса общественного сотрудничества, делая особый акцент на роли предпринимательства и институтов. Первая статья сборника представляет собой введение в теорию динамической эффективности как альтернативы стандартным критериям по Парето. Затем идет подробный обзор различий между двумя подходами к экономической теории: австрийской школы и неоклассики (включая чикагскую школу). Другие темы, затрагиваемые Х. Уэрта де Сото: теория социализма, охрана окружающей среды в условиях свободного рынка, национализм, кризис и реформа системы социального страхования, теория банковского дела и экономических циклов, экономические взгляды испанских схоластов XVI в. Книга будет полезна всем, кто интересуется методологией экономической науки, теориями банковского дела и экономических циклов, историей экономической мысли. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 330.831.2
ББК 65.02

ISBN 978-5-91603-657-2

© Уэрта де Сото Х., 2009

© Интермедиатор, 2009

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	7
Глава 1 Теория динамической эффективности	8
Введение	8
Эволюция стандарта статической эффективности: критический анализ	9
Экономическая концепция динамической эффективности	15
Взаимосвязь этики с динамической эффективностью	24
Прикладное использование	30
Выводы	33
Глава 2 Австрийская школа и «спор о методах»: история вопроса и современное состояние ¹	34
Введение	34
Принципиальные различия между австрийской и неоклассической школами	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хесус Уэрта де Сото

Социально-экономическая теория динамической эффективности

Предисловие

В этой книге собраны тексты на английском языке, написанные мною за последние 10 лет (1994–2004). Многие из них публиковались ранее в специализированных журналах, и я собрал их в одном месте для того, чтобы упростить жизнь моим коллегам, в частности для того, чтобы на них было удобно ссылаться. Неудивительно, что все темы этого сборника так или иначе связаны с большим исследовательским проектом, к осуществлению которого я приступил 25 лет назад. Его целью является создание учебного курса, основанного на анализе характерных для рынка динамических процессов общественного сотрудничества. Особое внимание при этом должно быть уделено месту в этих процессах предпринимательства, а также тех институтов, благодаря которым жизнь в обществе становится возможной. Такой явно выраженный междисциплинарный подход характерен для австрийской экономической школы. В последние годы австрийский подход завоевывает все больший авторитет во всем мире и, в частности, переживает расцвет, к которому я имел честь приложить руку, в Испании.

Сборник отчетливо делится на четыре части. Первые три главы посвящены исследованию теоретического фундамента динамической концепции рынка. В этой части особое внимание уделено анализу теории динамической эффективности, принципиальной разнице между экономической теорией австрийской школы и неоклассической теорией, а также трехуровневому (теоретическому, историческому и этическому) подходу к изучению общественных явлений.

Вторая часть книги состоит из 9 глав, посвященных экономическому анализу различных проблем с точки зрения австрийской школы. Среди них – кризис системы социального страхования и попыток ее реформирования, апология защиты окружающей среды с рыночных позиций, социализм, национализм и миграция. Две главы посвящены банковским и экономическим циклам; эта тема особенно увлекла меня в последние годы. Наконец, в этой части говорится об этических аспектах капитализма, о политической роли экономиста-либертарианца и о будущем демократии.

Третья часть книги состоит из статей по экономической истории. В них говорится о предшественниках австрийской школы, испанских схоластах XVI в. В нее входит также статья, написанная к пятидесятилетию со дня первого издания экономического трактата Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность».

В приложении к сборнику публикуется интервью, которое я дал *Austrian Economics Newsletter*. Там есть некоторые нюансы, которые тем не менее естественно вытекают из всего сказанного мною ранее. Это интервью может дать читателям пищу для размышлений о том, каким образом высказанные в этой книге идеи можно использовать для анализа наиболее острых экономических и политических проблем нашего общества.

Благодарности

Я благодарю *Quarterly Journal of Austrian Economics*, *Review of Austrian Economics* и *Journal des économistes et des études humaines* за разрешение опубликовать в данном сборнике тексты, впервые увидевшие свет в этих журналах.

Я хотел бы также выразить признательность моим ученикам, аспирантам и ученым коллегам по Школе права и социальных наук мадридского университета Короля Хуана Карлоса за энтузиазм, с которым они участвовали и в моих многочисленных исследовательских проектах, и в их обсуждении. Я хотел бы отдельно поблагодарить Луиса Реига Альбиоля (Luis Reig Albiol), Ингольфа Крумма (Ingolf Krumm), Габриэля Кальсаду (Gabriel Calzada), Хуана Игнасио дель Кастильо (Juan Ignacio del Castillo), Хесуса Гомеса (Jesus Gomez), Франсиско Капелью (Francisco Capella), Оскара Вару Креспо (Oscar Vara Crespo), Хавьера Арансади дель Серро (Javier Aranzadi del Cerro), Анхеля Руиса Родригеса (Angel Ruiz Rodriguez), Хуана Пабло Мелиана (Juan Pablo Melian), Сесара Мартинеса Месегера (Cesar Martinez Meseguer) и Мигеля Анхеля Алонсо Нейры (Miguel Angel Alonso Neira). Если бы не они, книга, которую вы держите в руках, была бы гораздо хуже.

Глава 1 Теория динамической эффективности

Введение

У господствующих в экономической науке вплоть до настоящего времени традиционных критериев эффективности распределения (эффективность по Парето) есть существенный недостаток: они носят статический характер и, следовательно, их невозможно использовать в качестве нормативных ориентиров на практике, поскольку реальные общественные институты динамичны¹. Пришла пора заменить традиционные стандарты эффективности иным критерием, который не обладает этими недостатками традиционного подхода по Парето и может применяться в сфере общественных институтов. Мы будем называть этот стандарт «критерием динамической эффективности».

Эта статья состоит из трех частей. В первой мы проанализируем процесс, который привел к формированию представления об эффективности по Парето. Этот стандарт был скроен по образцу принципа эффективности энергии, который возник в физике и механике XIX в. Это объясняет, почему традиционный критерий эффективности по Парето, ставший стержнем всех экономических теории благосостояния и очень часто использующийся для экономического анализа права, в силу своей относительной статичности с трудом может применяться для изучения сложной динамики институтов.

Во второй части мы сформулируем критерий *динамической эффективности*, который прямо вытекает из теории рыночных процессов, движимых творческим и координирующим потенциалом предпринимательства. Хотя стандарт динамической эффективности пока не стал частью научного мейнстрима, за ним стоит определенная традиция. Такие выдающиеся экономисты, как Мизес, Хайек и Шумпетер, а также современные теоретики Ротбард, Кирцнер и Норт (последний выдвинул идею «адаптивной эффективности») и даже Лейбенштейн (с его «х-эффективностью»), предлагали и формулировали критерии, более или менее похожие на нашу динамическую эффективность. В этой части мы проанализируем и сравним их идеи.

Третья и последняя часть статьи посвящена анализу очень тесных взаимосвязей, существующих между предложенным нами критерием динамической эффективности и системой этических принципов общества. Это открывает перед экономистами новое поле деятельности: они получают возможность использовать стандарт динамической эффективности, отличающийся от традиционного критерия Парето, для оценки общественных институтов (правовых, моральных и экономических). Кроме того, в ходе нашего анализа мы сформулируем те этические принципы, которые делают динамическую эффективность возможной, а следовательно, создают условия для прогресса и скоординированного развития общества и цивилизации. Тем самым мы намерены установить прямую взаимосвязь между экономической теорией и этикой и, таким образом, стимулировать развитие плодотворных взаимоотношений между этими двумя научными дисциплинами.

Эволюция стандарта статической эффективности: критический анализ

Исторический контекст

Термин «эффективность» (*efficiency*) происходит от латинского слова *efficiens*, а последнее, в свою очередь, от латинского глагола *exfacio*, который означает «получать что-то из чего-то»². В экономической науке представление об эффективности как о способности «получать что-то из чего-то» старше латинского глагола и восходит к временам Древней Греции, когда слово «экономика» (οικονομία) использовалось для обозначения эффективного управления домохозяйством или усадьбой. В трактате «Экономика» (традиционное русское название «Домострой», 380 до Р.Х.) Ксенофонт приписывает Сократу утверждения, что «экономика» – это «отрасль знания, с помощью которой человек может умножить свое хозяйство», хозяйство человека – «то же, что его имущество», а имущество – «это вещи, полезные человеку»³. Сформулировав это – современное и субъективистское – определение экономики, Ксенофонт в дальнейших диалогах объясняет, что есть два пути умножить хозяйство, и они соответствуют двум разным аспектам эффективности.

Один – это аспект «статической эффективности». Он состоит в разумном управлении наличными (или «данными») ресурсами и заботе о том, чтобы они не тратились понапрасну. Согласно Ксенофону, главный способ обеспечить это – содержать дом в хорошем *порядке*⁴ и заботиться о своих вещах, относясь к ним бережно и аккуратно. Чтобы завершить разговор о способностях, необходимых для эффективного управления «данными» ресурсами, он рассказывает притчу о мудром ответе персиянина своему царю: «Царь этот однажды получил хорошую лошадь, и ему хотелось поскорее ее откормить. Он спросил кого-то считавшегося знатоком по части лошадей, что всего скорее утучняет лошадь. Тот ответил: „Хозяйский глаз“. Так и во всем, Сократ, хозяйский глаз – самый лучший работник»⁵.

Однако Ксенофонт не ограничивается анализом «статического», как мы его называем, аспекта эффективности. Он говорит и о дополняющем его «динамическом» аспекте, который представляет собой попытки человека умножить свое достояние с помощью предпринимательской деятельности и заключения сделок. Речь идет о попытках человека не ограничиваться заботой о бережном расходовании уже имеющихся в его распоряжении ресурсов, а умножать принадлежащие ему блага с помощью предпринимательского творчества, т. е. с помощью торговли и спекуляций. Ксенофонт приводит два конкретных примера направленной на это предпринимательской деятельности. Один пример – это покупка плохо обработанных или бесплодных участков земли и облагораживание их с последующей продажей по гораздо более высокой цене, чем цена покупки⁶. Другой пример динамической эффективности, позволяющей человеку умножить свое достояние и получить в свое распоряжение новые ресурсы, – это действия купцов, которые покупают хлеб, когда он в изобилии и, следовательно, дешев, а потом привозят его в места, пострадавшие от засухи или неурожая, и продают там по гораздо более высокой цене⁷.

Эта традиция различения двух аспектов эффективности, статического и динамического, сохранялась и в Средние века. Например, св. Бернардино Сиенский считал, что купцы и ремесленники заслужили свои доходы своим *трудолюбием* и *готовностью рисковать*: разумным и ответственным управлением своими (данными) ресурсами, т. е. поведением, последовательно направленным на предотвращение неразумной траты ресурсов (статический аспект эффектив-

ности), а также согласием на риски и опасности (*pericula*), возникающие в связи с любыми предпринимательскими спекуляциями (динамический аспект эффективности)⁸.

Влияние механической физики

Несмотря на это многообещающее начало, в Новое время понятие экономической эффективности постепенно сузилось и упростилось. Наконец, оно стало обозначать исключительно статический аспект эффективности, иными словами, добросовестное поведение, направленное на предотвращение неразумного расходования «данных» ресурсов. Решающее значение для формирования этого редуционистского представления, которое было существенным шагом назад по сравнению с формулировкой Ксенофонта, различавшего два аспекта эффективности, сыграло появление и развитие механической физики, оказавшей на экономическую мысль колоссальное влияние, особенно в XIX в. и в последующее время.

В Новое время физика сменила астрономию на пьедестале «главной науки». В основе физики лежит представление об «энергии». Об этом абстрактном понятии спорят все физики, хотя они и не пришли к общему мнению о том, что представляет собой энергия в отсутствие эмпирических свидетельств ее воздействия в виде силы или движения⁹. В силу этого ключевую роль в развитии физики сыграл «закон сохранения энергии», о принципиально статической природе которого не следует забывать (энергия не создается и не исчезает, она лишь трансформируется). Позже был сформулирован второй закон термодинамики, в котором говорится, что в ходе любого физического процесса какая-то энергия расходуется впустую, например в форме тепла, которое рассеивается, в силу чего физические системы не являются обратимыми. Эти два закона определили развитие физики в XIX в. Именно поэтому большая часть представителей точных наук воспринимает физические феномены почти исключительно с точки зрения «энергии». Кроме того, использование физических открытий на практике было связано в основном с инженерным делом, которое целиком и полностью основано на (статическом) понятии энергоэффективности (или, на языке инженеров, «минимизации энергетических потерь»). Прекрасной иллюстрацией может служить паровая машина, это классическое капитальное благо Промышленной революции. Паровая машина трансформирует тепло в движение и поднятие тяжестей; соответственно целью хорошего инженера является достижение максимума (статической) эффективности, т. е. максимального движения при минимальных расходах и потерях энергии.

Редуционистское представление о (статической) эффективности было усвоено и языком. Так, определение прилагательного «эффективный» в Словаре Вебстера («Webster's Dictionary») включает минимизацию потерь: «эффективный, обладающий способностью выбирать и использовать наиболее успешные и *связанные с минимальными потерями* способы выполнения задачи или достижения цели»¹⁰. В испанском языке представление об эффективности прочно связано со способностью добиваться конкретного результата или дохода. Словарь испанского языка («Diccionario de la Lengua Espanola») определяет слово *rendimiento* («доход») как «соотношение полученного продукта или результата с использованными средствами»¹¹ (предполагается, что и результат, и средства известны или даны).

Очень важно осознать то негативное воздействие, которое статическое представление об энергоэффективности оказало на развитие экономической теории. Ганс Майер¹² и Филип Мировски отмечали, что неоклассическая экономическая теория была подражанием механической физике XIX в.: она использовала тот же самый формальный метод (только заменила понятие энергии на понятие полезности) и те же самые принципы сохранения, максимизации результата и минимизации потерь¹³. Главным представителем этого направления, идеи которого в максимальной степени отражают воздействие физики на экономическую мысль, был

Леон Вальрас. В опубликованной в 1909 г. статье «Экономическая теория и механика» Вальрас утверждал, что в «Элементах чистой экономики» он использовал математические формулы, идентичные формулам математической физики, а также подчеркивал параллель между понятиями «силы» и *редкости* (которые он считал векторами), с одной стороны, и между понятиями «энергии» и «полезности» (которые он рассматривал как скалярные величины) – с другой¹⁴.

Таким образом, под влиянием механической физики исчезло то творческое, спекулятивное измерение, которым идея экономической эффективности обладала с момента зарождения, и от нее осталось лишь редуционистское, статичное представление, связанное исключительно с идеей минимизации потерь (известных или данных) экономических ресурсов. В качестве примера можно привести определение «эффективного размещения ресурсов» из «The New Palgrave Dictionary of Economics», принадлежащее Стенли Рейтеру: «максимально возможное удовлетворение потребностей в условиях ресурсных и технологических ограничений»¹⁵. (Обратите внимание: это определение исходит из того, что ресурсы и технология являются данностью). Очень показательно и одновременно огорчительно то, что в статье об экономической эффективности в наиболее авторитетном из экономических словарей ни разу не упоминается динамический аспект этой идеи. Это особенно поучительно и печально в свете того, что в реальности ни ресурсы, ни технологии не являются «данностью»; они способны меняться – и действительно постоянно меняются – под воздействием предпринимательского творчества. Кроме того, изменчивая природа этих факторов ясно свидетельствует о наличии у эффективности отдельного, имеющего долгую традицию измерения (динамического – о котором, как мы видели, писал уже Ксенофонт); если это игнорировать, последствия для экономического анализа реальности окажутся весьма велики.

Редуционистское представление о статической эффективности оказало большое влияние на теорию организации начала XX в., иначе говоря, в эпоху тейлоризма. Фредерик Тейлор в «Принципах научного менеджмента» (1911) призвал к созданию во всех компаниях департамента «производственной эффективности»: во-первых, для надзора за работниками, во вторых, для измерения времени, которое требуется на операции, в-третьих, чтобы избежать потерь¹⁶. В результате редуционистская идея статической эффективности превратилась в идола, который требовал принести ему в жертву буквально всё; помешательство на статической эффективности (лучше всего здесь подходит слово «культ») распространилось даже на политическую идеологию.

Ярким примером такого помешательства могут служить фабианские социалисты Сидней и Беатриса Веббы. Супруги Веббы были настолько потрясены «потерями», которые они увидели в капиталистической системе, что создали Лондонскую школу экономики, чтобы продвигать реформу экономической системы. Цель их реформы состояла в том, чтобы избежать потерь и построить «эффективную» систему. Позже Веббы не скрывали своего восхищения той «эффективностью», которую они обнаружили в Советской России. Беатриса даже восклицала: «Я влюбилась в советский коммунизм». Чары статического представления об экономической эффективности действовали и на самого Джона Мейнарда Кейнса. В предисловии к вышедшему по-немецки в 1936 г. издании «Общей теории» он писал, что его идеи экономической реформы «легче воплотить в условиях тоталитарного государства». Кроме того, Кейнс очень хвалил вышедшую в 1933 г. книгу супругов Вебб «Советский коммунизм»¹⁷.

«Экономическая теория благосостояния» и статическое представление об эффективности

Вышеописанный тренд достиг кульминации в 1920—1930-е годы, когда статическое представление об экономической эффективности стало ядром новой дисциплины, получившей известность под названием «экономической теории благосостояния»¹⁸. Она возникла на базе ряда альтернативных подходов. Согласно Пигу, экономическая система достигает максимальной эффективности тогда, когда предельная полезность всех факторов выравнивается, а для этого необходимо перераспределять доход до тех пор, пока все экономические агенты не станут получать от последней имеющейся в их распоряжении денежной единицы одинаковую предельную полезность. Таким образом, Пигу продолжает традицию жесткого утилитаризма Иеремии Бентама и наивных маржиналистов (Сакса, Сиджвика и др.). Поскольку было очевидно, что подход Пигу связан с межличностными сравнениями полезности и метанаучными ценностными суждениями, он скоро уступил место подходу Парето.

Согласно теории Парето, экономическая система находится в *состоянии* эффективности тогда, когда ничье положение нельзя улучшить без того, чтобы при этом не ухудшилось положение кого-то другого. Хотя этот подход по-прежнему статичен, он уже не требует межличностных сравнений полезности. Благодаря этому некоторые «теоретики благосостояния» (Лернер и др.) смогли сформулировать так называемую «первую теорему экономической теории благосостояния». Она гласит, что в системе совершенной конкуренции достигается эффективность распределения по критерию Парето. На следующем этапе были выделены так называемые «провалы рынка», которые порождают неэффективность (в статическом смысле слова), отдаляя экономическую систему от модели «совершенной конкуренции». (Сначала провалами рынка были признаны монополии и внешние эффекты (экстерналии); позже к ним добавились более вычурные вещи типа асимметричности информации, морального риска и неполноты рынков). В то же время в качестве альтернативы этому подходу был сформулирован подход Калдора – Хикса, включавший аналитический принцип «потенциальной компенсации»: ситуация II эффективнее ситуации I, если те, кто в этой ситуации выигрывает, способны компенсировать убытки тем, кто от нее проигрывает (Калдор); или же если те, кто проигрывает в ситуации II, не могут воспрепятствовать переменам, «дав взятку» тем, кто от нее выигрывает (Хикс)¹⁹.

Позже теоретики сформулировали «вторую фундаментальную теорему экономической теории благосостояния». Она гласит, что эффективность по Парето совместима с различными вариантами первоначального размещения ресурсов. Эта теорема исходит из того, что критерии эффективности и честности (справедливости) могут рассматриваться изолированно и сочетаться в разных пропорциях. В свою очередь, Бергсон и Самуэльсон изобрели «функцию общественного благосостояния», которая, хоть и связана с необходимостью проводить интерперсональные сравнения полезности, позволяет обойти невозможность выделения точки максимальной эффективности из всех Парето-эффективных точек, образующих кривую производственных возможностей. Однако позже Эрроу продемонстрировал, что функцию общественного благосостояния такого типа нельзя построить, не пренебрегая элементарными требованиями логики («третья фундаментальная теорема экономической теории благосостояния»). Другой нобелевский лауреат, Амартия Сен, доказал, что невозможно представить такую функцию общественного благосостояния, которая одновременно была бы оптимальной по Парето и соответствовала бы традиционным либеральным стандартам, в первую очередь потому, что индивидуальные оценки порядковой (ординальной) полезности невозможно

суммировать, а следовательно, функция общественного благосостояния в принципе не может обеспечить удовлетворение всех индивидуальных предпочтений²⁰.

Критика экономической теории благосостояния и идеи статической эффективности

По понятным причинам мы не можем перечислить все аргументы, критикующие разные стандарты статической эффективности, которые были сформулированы в рамках экономической теории благосостояния. Этому посвящено огромное количество работ, и мы не в силах пересказать все. Тем не менее мы остановимся на нескольких наиболее распространенных замечаниях: главным образом для того, чтобы противопоставить их тому аргументу, который мы считаем главным, несмотря на то, что до самого последнего времени его практически никто не высказывал.

Во-первых, различные критерии статической эффективности, сформулированные в рамках экономической теории благосостояния, требуют более или менее явного использования ценностных, т. е. суждений, лишенных научной объективности. Мы уже указывали, что это присуще и подходу Пигу, и представлению о функции общественного благосостояния, поскольку для их использования на практике требуются межличностные сравнения полезности, которые в сообществе профессиональных экономистов считаются ненаучными со времен Лайонела Роббинса. Кроме того, нет уверенности, что полезность можно сравнивать даже относительно одного и того же человека (в разное время и разных обстоятельствах); ведь во многих случаях человек будет пытаться сравнить между собой разнородные и разнообразные измерения, которые вряд ли поддаются такой операции. И даже подход Парето, вопреки первому впечатлению, не является полностью нейтральным с точки зрения межличностных сравнений и оценочных суждений: например, завистливому человеку может стать хуже в результате улучшения по Парето (т. е. когда кто-то выигрывает, не нанося ущерба никому – разумеется, за исключением нашего завистника).

Во-вторых, в любых подходах экономической теории благосостояния есть один серьезный недостаток: они основаны на предположении, что индивидуальные шкалы полезности и те возможности, которые открываются перед каждым действующим субъектом, «даны», иначе говоря, что они известны и неизменны. Другими словами, предполагается, что эти шкалы и возможности отражают некие «функции полезности», которые тоже всегда известны и неизменны. Этот недостаток особенно ярко выражен у Пигу; его идея перераспределения дохода не просто требует проведения межличностных сравнений полезности, – ее практическая реализация привела бы к радикальному изменению соответствующих «функций полезности», а также серьезно повлияла бы на процесс предпринимательской координации (что, как мы увидим ниже, гораздо важнее).

В-третьих, позаимствованное у механической физики представление о технической эффективности продолжает оказывать сильное воздействие на критерии статической эффективности, несмотря на стремление многих выдающихся экономистов (Роббинса, Липси, Алчидана и Аллена и др.) раз и навсегда отделить техническую (технологическую) эффективность от экономической эффективности²¹. Однако если техническая (или технологическая) эффективность означает минимизацию производственных ресурсов в физическом смысле (например, тонн угля или баррелей нефти), то она практически не отличается от экономической эффективности, которая также состоит в минимизации ресурсов, но не в физическом смысле, а в смысле затрат (исчисляемых как количество использованных единиц ресурса, умноженное на рыночную цену единицы). Если исходить из того, что технологии и рыночные цены «даны», иначе говоря, из того, что они известны и неизменны – а из этого исходят все упомянутые

нами выше критерии статической эффективности, – то *modus operandi** (статической) экономической эффективности и *modus operandi* технической эффективности будут одинаковы: и та и другая в этом случае представляют собой математическую операцию в условиях известных ограничений. Можно сделать вывод, что в контексте экономической теории благосостояния между технической эффективностью и статическим представлением об экономической эффективности существует поразительное сходство. Иначе говоря: *статический подход к экономической теории сводит принцип экономической эффективности к сугубо технической проблеме максимизации*, которую всегда можно решить, прибегнув к помощи компьютера и введя в него соответствующие данные; ведь все модели статической эффективности основаны на том, что данные уже известны²².

Однако эти критические замечания гораздо менее важны, чем наша главная претензия к различным критериям эффективности, сформулированным в рамках экономической теории благосостояния. Главное в том, что они учитывают лишь один из двух аспектов экономической эффективности, статический аспект, а из этого вытекает представление о том, что ресурсы даны и неизменны, и фундаментальная экономическая задача сводится к тому, чтобы расходовать их разумно. *И когда, например, нам нужно оценить компанию, общественный институт или экономическую систему, эти критерии не позволяют нам учесть их Динамическую Эффективность, т. е. способность порождать предпринимательское творчество и координацию или, иными словами, способность предпринимателей искать, обнаруживать и преодолевать нарушения координации в обществе.*

Мы считаем, что главная цель – не в том, чтобы приблизить систему к границе ее производственных возможностей (считая кривую производства «данной»), а в систематическом использовании критерия динамической эффективности, от которого зависит способность системы непрерывно «сдвигать» кривую производственных возможностей вправо. Для этого необходимо преодолеть традиционные статические критерии экономической эффективности и заменить их другим, более полным критерием, таким, который учитывал бы динамическое измерение экономической системы. В следующем разделе наш критерий динамической эффективности рассматривается более подробно.

Экономическая концепция динамической эффективности

Динамическая эффективность и предпринимательство

Критерий динамической эффективности теснейшим образом связан с понятием предпринимательства; на самом деле, чтобы как следует понять, что такое динамическая эффективность с точки зрения экономической теории, надо сначала хотя бы кратко описать сущность и основные черты предпринимательства – главной действующей силы, порождающей стихийное творчество и координацию на рынке. Слово «предпринимательство» (*entrepreneurship*) происходит от латинского *inprehendo* — «совершать открытие», «видеть», «осознавать» нечто. Мы можем определить предпринимательство как *характерную для человека способность находить вокруг себя возможности для извлечения прибыли и действовать в соответствии с этим*. Таким образом, предпринимательство требует специальной «бдительности» (*alertness*). Словарь Вебстера («Webster's New World Dictionary and Thesaurus») толкует слово *alert* как «зоркий», «бдительный»²³. С идеей предпринимательства тесно связан и глагол «спекулировать» (*to speculate*), который тоже восходит к латыни и связан со словом *specula* (так называли башни, с которых наблюдатели могли озирать окрестности и заранее обнаруживать тех, кто к ним приближался)²⁴.

Наиболее существенные черты предпринимательства с точки зрения критерия динамической эффективности таковы:

1. Предпринимательство всегда порождает новую информацию; иначе говоря, любой акт предпринимательства связан с обнаружением новой информации, которой у субъекта предпринимательства до этого не было (иными словами, возможности для извлечения прибыли, которую он раньше не замечал). Информация, которую своими действиями порождают предприниматели, является субъективной, практической (в том смысле, что она возникает исключительно в конкретных обстоятельствах, связанных с конкретными действиями предпринимателя), рассеянной (ведь какая-то ее частица имеется в уме каждого человека) и неявной (ее очень сложно выразить словами).

2. По своей фундаментальной природе предпринимательство носит творческий характер; любое нарушение общественной координации предоставляет возможность для извлечения прибыли, каковая возможность остается скрытой до тех пор, пока ее не обнаруживают предприниматели. Например, если В не очень нужен ресурс R, в котором остро нуждается А, то это явное нарушение общественной координации, которое порождает возможность для извлечения прибыли: чтобы получить «чистую предпринимательскую прибыль», предпринимателю С достаточно всего лишь заметить эту возможность, дешево купить ресурс у В и дорого продать его А. Соответственно, когда предприниматель обнаруживает еще никем не замеченную прибыльную возможность, он тем самым *создает* не существовавшую до этого информацию, которая в результате завершения акта предпринимательства порождает чистую предпринимательскую прибыль.

3. Предприниматель передает информацию. Когда предприниматель С дешево покупает ресурс R у В, который владеет им в изобилии и не использует его, а потом дорого продает остро нуждающемуся в нем С, он *передает* А и В информацию о том, что ресурс R доступен и что его нужно беречь. Он также сообщает всему рынку (эта информация распространяется волнообразно), что есть некто, кто готов дать за R высокую рыночную цену (рыночные цены – это очень мощные сигналы, они передают большой объем информации при очень низких издержках).

4. Предпринимательство оказывает координирующее воздействие. В результате описанного нами акта предпринимательства А и В обучаются координировать свое поведение, приспособившись к нуждам друг друга: после того как нарушение общественной координации было обнаружено и устранено, В начинает накапливать ресурс R, который он раньше не использовал, чтобы передать его остронуждающемуся в нем А.

5. Предпринимательство состязательно, конкурентно. Слово «конкуренция» (*competition*) происходит от латинского *cum petito*; это выражение обозначает состязание претензий на одну и ту же вещь, которая в итоге должна достаться кому-то одному. Предпринимательство конкурентно: это значит, что после того, как один предприниматель обнаружил или создал возможность для извлечения прибыли, эту возможность (в тех же временных и пространственных координатах) уже не может обнаружить или создать никто другой. Это превращает предпринимательский процесс в процесс соперничества, в процесс чистой конкуренции, в ходе которого предприниматели борются с друг другом, чтобы обнаружить и использовать существующие вокруг них возможности для извлечения прибыли. Словарь Вебстера («Webster's Revised Unabridged Dictionary») дает следующее толкование глаголу *to compete* («конкурировать»): «соревноваться; стремиться или пытаться достичь вещи, должности или награды, к которой стремится еще кто-то; соперничать, например из-за награды или из-за контракта, подобно тому как конкурируют друг с другом купцы»²⁵. Такое представление о конкуренции, безусловно, не имеет ничего общего с так называемой моделью совершенной конкуренции, в рамках которой многочисленные поставщики проделывают одни и те же движения, продавая одно и то же благо по одной и той же цене, иначе говоря, ведут себя так, что никто не назвал бы это конкуренцией.

6. Наконец, предпринимательский процесс никогда не заканчивается. Хотя в принципе можно было бы вообразить, что социальный процесс, порождаемый предпринимательством, мог бы достичь состояния равновесия, т. е. остановиться или закончиться, после того как все предприниматели обнаружат и используют все возможности для извлечения прибыли, воплощенные в нарушениях общественной координации (кстати, большинство членов нашего цеха считают такое «конечное состояние покоя» единственным предметом, достойным их профессионального внимания), на самом деле предпринимательский процесс координации никогда не прерывается и никогда не заканчивается. Истина состоит в том, что когда предпринимательский акт вносит координацию, он создает новую информацию, которая, в свою очередь, *меняет то, как субъекты, действующие на рынке, воспринимают свои цели и средства. В силу этого появляются новые нарушения координации и предприниматели начинают находить их исправлять, создавая координацию в ходе непрерывного процесса расширения знания и ресурсов. Этот процесс обеспечивается постоянным ростом населения, а степень его координации стремится к максимально возможной при данных исторических обстоятельствах* (скоординированный социальный «большой взрыв»).

После того как мы описали фундаментальные черты предпринимательского процесса, нам будет легче понять экономическую концепцию динамической эффективности, а также существовавшие в разное время взгляды на него.

Экономическая концепция динамической эффективности: творчество и координация

С точки зрения динамического подхода эффективность человека, компании, института или экономической системы в целом зависит от уровня их творческой способности к предпринимательству и координации (в описанном выше смысле).

С этой точки зрения самое главное – не столько препятствовать напрасной трате средств, которые считаются известными и «данными» (с точки зрения статической эффективности), сколько постоянно обнаруживать и создавать новые цели и средства, тем самым стимулируя координацию. При этом необходимо учитывать, что в ходе любого предпринимательского процесса всегда возникают новые нарушения координации, и *в силу этого в рыночной экономике какие-то ресурсы неизбежно тратятся впустую.*

Можно уверенно утверждать, что динамический аспект эффективности – это ее главный аспект. Хотя экономическая система может и не достигать границы производственных возможностей, все действующие в ней субъекты могут действовать с выгодой для себя, в случае если энергия предпринимательского творчества постоянно сдвигает кривую (производственных возможностей) вправо и соответственно улучшает возможности каждого человека, обеспечивая непрерывный творческий поток новых целей и средств, которые, до того как их открыли предприниматели, никто и вообразить себе не мог.

Очень существенно также и то, что динамический аспект экономической эффективности включает в себя статический: ведь *предпринимательская сила, порождающая динамическую эффективность посредством создания и обнаружения новых возможностей для извлечения прибыли, это та же самая сила, которая обеспечивает достижение наиболее высокого из возможных в данный конкретный момент уровня статической эффективности, обеспечивая исправление существовавших ранее нарушений координации.* (Однако, как мы уже отмечали, с учетом бесконечного потока новых нарушений координации в реально существующей рыночной экономике оптимум по Парето в принципе недостижим, поэтому вероятность напрасной растраты имеющихся ресурсов полностью исключить нельзя.)

Ниже будут проанализированы взгляды разных ученых на проблему динамической эффективности. Многие из них испытали серьезное воздействие традиции австрийской экономической школы, что неудивительно, потому что эта школа уделяет огромное внимание динамической концепции рынка и ведущей роли предпринимательства на рынке. Мы отсылаем читателей, желающих узнать об этом больше, к работам Мизеса и Хайека о рынке как динамическом процессе, движимом предпринимательством (Мизес), и о конкуренции как процессе открытия (Хайек)²⁶.

Израэл Кирцнер и идея динамической эффективности

Великий современный ученый Израэл Кирцнер, следуя за Мизесом и Хайеком, подробно проанализировал феномен предпринимательства. Это один из ведущих теоретиков, изучавших экономическое понятие динамической эффективности. Кирцнер определяет динамическую эффективность как «способность, стимулируя предпринимательскую бдительность, порождать ценное знание, о самом существовании которого ранее никто не догадывался». Кирцнер считает акт предпринимательства чрезвычайно эффективным инструментом координации и рассматривает общественную координацию не статически – т. е. не с точки зрения Парето, – а динамически, иначе говоря, как «процесс, в ходе которого участники рынка осознают существование взаимовыгодных возможностей для торговли и, используя эти возможности, исправляют допущенные ранее ошибки»²⁷.

Кирцнер подчеркивал, что его критерий динамической эффективности, основанный на творческой способности и предпринимательской координации, не связан с ценностными суждениями и соответственно полностью ценностно нейтрален (*wertfrei*): любой, кто желает стимулировать координацию, должен поощрять и поддерживать свободу предпринимательства, и напротив, тот, кто предпочитает общественные конфликты и нарушения общественной координации, должен всячески препятствовать предпринимательству²⁸. Экономическая теория

сама по себе не может назвать одни цели – плохими, а другие – хорошими, но она, безусловно, способна помочь людям лучше осознать стоящий перед ними этический выбор и сформулировать логически последовательную этическую позицию.

Идея динамической эффективности Кирцнера неуязвима для тех критических замечаний, которые мы сформулировали выше по отношению к доминирующим до сих пор критериям статической эффективности. Наконец, Кирцнер указывает, что с точки зрения аналитика динамический аспект эффективности особенно полезен для проведения сравнительного анализа институтов и законодательных инициатив. Действительно, анализ динамической эффективности позволяет вынести оценку, дающую возможность сформулировать гораздо более ясную – и часто принципиально иную – позицию, чем та, которая является результатом анализа одного лишь аспекта статической эффективности²⁹.

Мюррей Ротбард и миф статической эффективности; обзор Роя Кордато

Ротбард также внес существенный вклад в анализ динамической эффективности. Он подчеркивал, что идеал «статической эффективности», имеющий такое огромное значение для теоретиков благосостояния, это всего лишь *миф*, так как его использование на практике требует наличия неизменной структуры целей и средств, формирование которой в условиях непрерывно меняющихся реалий общественной жизни невозможно (а если бы и было возможно, то ее нельзя было бы познать). Больше всего внимания Ротбард уделил связи динамической концепции экономической эффективности со сферой этики. С учетом того, что реально существующие в обществе цели, средства и функции полезности нам неизвестны, Ротбард считал первоочередной задачей создание этического контекста, поощряющего динамическую эффективность. Для этого требуется набор правил, защищающих права собственности и обеспечивающих возможность добровольной торговли, в ходе которой экономические субъекты выражают свои истинные предпочтения. Ротбард полагал, что критериями эффективности, определяющими наши решения, могут быть только *этические принципы*, и ничто иное³⁰.

Рой Кордато опубликовал интересную книгу, где проанализировал главные открытия австрийской школы, и в частности Мизеса, Ротбарда, Хайека и Кирцнера, с точки зрения экономической теории благосостояния. Кордато приходит к выводу, что главной целью рынка должно быть не достижение «оптимальных» результатов (задача статической эффективности), а обеспечение институциональной структуры, порождающей предпринимательское творчество и координацию. Экономическая политика должна быть направлена на выявление и уничтожение искусственных препятствий для добровольной торговли и предпринимательского процесса³¹. Особое восхищение вызывает попытка Кордато впустить в затхлое обиталище экономической теории благосостояния, застывшей в своей упрямой приверженности статическим допущениям, свежий воздух субъективистского и динамического подхода к рынку, который до него развивали почти исключительно экономисты австрийской школы.

Йозеф Шумпетер и «процесс созидательного разрушения»

Йозеф Шумпетер – возможно, самый известный из экономистов, занимавшихся анализом экономической эффективности с динамических позиций. Он начал разрабатывать эту тему уже в 1911 г., когда опубликовал на немецком языке книгу «Теория экономического развития»³². В этой книге Шумпетер, демонстрируя в чистом виде австрийский подход, пишет о предпринимателе как о новаторе, который придумывает и открывает новые блага, новые источники благ и новые сочетания благ, а также внедряет технологические инновации, постоянно создавая новые рынки и расширяя существующие. Спустя тридцать лет, в 1942 г., Шумпетер

продолжил развивать эти идеи в книге «Капитализм, социализм и демократия», особенно в главах 7 и 8. Он даже назвал главу 8 «Процесс созидательного разрушения»; в ней он описывает процесс экономического развития, породивший эволюцию капитализма и соответственно напряжение, связанное с двумя измерениями эффективности – динамическим и статическим. Шумпетер крайне критически относился к традиционному неоклассическому принципу статической эффективности и пришел к выводу о том, что «совершенная конкуренция не только невозможна, но и нежелательна; нет никаких оснований рассматривать ее как модель идеальной эффективности»³³.

С нашей точки зрения, главный недостаток позиции Шумпетера состоит в том, что для него главным инструментом экономического анализа остается модель равновесия. Он писал, что в отсутствие предпринимателей экономическая жизнь представляла бы собой рутинный кругооборот. Он считает предпринимателя исключительно фактором внесения искажений или дисбаланса. Иными словами, он обращает внимание лишь на один аспект предпринимательского процесса, который называет выражением «процесс созидательного разрушения», ставшим в наши дни расхожим штампом, Шумпетер игнорирует то, о чем мы говорили выше: предметом экономического анализа должен быть динамический процесс предпринимательства, а не модель равновесия. Ведь в реальности движимый силой предпринимательства рыночный процесс обладает не только способностью к «созидательному разрушению» (а это единственное, на что обратил внимание Шумпетер), но и способностью обеспечивать координацию и тем самым приближать социальный процесс к состоянию равновесия, несмотря на то что это состояние никогда не достигается, так как по мере его приближения постоянно возникают новые нарушения координации. С точки зрения Шумпетера, предпринимательский процесс – это некая взрывная сила, посредством созидательной энергии предпринимательства разрушающая предшествующий порядок. При этом он не понимает, что *та же самая сила, которая провоцирует созидательное разрушение, обеспечивает координацию системы и, следовательно, дает возможность «большому взрыву» пройти настолько гладко, насколько позволяют сложившиеся исторические обстоятельства.* В отличие от Шумпетера, рассматривающего предпринимателя как фактор дисбаланса, с точки зрения нашего динамического подхода предпринимательство – это одновременно созидательная и координирующая движущая сила, которая постоянно влечет вперед рынок и человечество.

Харви Лейбенстайн и идея х-эффективности

Харви Лейбенстайн впервые выдвинул идею х-эффективности в статье «Эффективность размещения ресурсов и х-эффективность» («Allocative Efficiency vs. X-Efficiency»), опубликованной в 1966 г.³⁴ В ней он писал, что х-неэффективность – это некая степень неэффективности, возникающая на рынке в силу неполноты многих контрактов, управляющих взаимоотношениями предпринимателей, и прежде всего – из-за того, что в них недостаточно четко определены задачи каждой из сторон. Лейбенстайн называет причинами неэффективности психологическое давление, испытываемое экономическими агентами, бремя привычки, инерцию и рутинное поведение, из-за чего многие задачи выполняются гораздо менее эффективно, чем это в принципе возможно.

Прежде всего нужно отметить, что понятие х-эффективности по Лейбенстайну довольно туманно, по крайней мере если брать его первоначальную формулировку. На наш взгляд, Лейбенстайн обнаружил важную вещь (он открыл, что существует неэффективность такого рода, которую модели равновесия неспособны учесть), но не смог ее как следует сформулировать. Спустя 10 лет в статье под ироническим названием «О существовании х-эффективности» («The Existence of X-Efficiency»)³⁵, Стиглер (1976), возражая Лейбенстайну, писал, что

существующий на реальном рынке уровень инерции и неведения всегда оптимален, потому что стремление побороть эти явления прекращается, как только предельные издержки этого занятия перевешивают ожидаемую предельную прибыль. Позже Кирцнер поддержал Лейбенштейна, указав на по крайней мере один постоянно существующий источник х-неэффективности, а именно на подлинные предпринимательские ошибки, которые возникают, когда предприниматель не видит существующих на рынке возможностей извлечения прибыли. Эти возможности продолжают оставаться скрытыми до тех пор, пока их не обнаружат другие предприниматели³⁶.

Суть аргумента Кирцнера состоит в том, что если признать, что в модели равновесия и совершенной информации х-эффективность не может существовать по определению (на что указывал Стиглер, хотя это явно не имело отношения к делу), то, чтобы использовать концепт х-эффективности для целей анализа и в практических целях, следует понимать х-эффективность как динамическую эффективность в описанном нами смысле. С этой идеей в конце концов согласился и сам Лейбенштейн. По иронии судьбы, «отец» х-эффективности был вынужден признать, что сформулированное им туманное понятие может иметь (важное) научное и практическое значение лишь при условии, если его неоднозначность будет преодолена и оно будет восприниматься как синоним термина «динамическая эффективность» (в нашем смысле)³⁷.

Дуглас Норт и его идея «адаптивной эффективности»

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт подверг критике господствовавшее среди неоклассиков чисто аллокативное, паретианское представление об эффективности. Он предложил заменить его концептом *адаптивной эффективности*, понимаемой как «готовность общества приобретать знания и умения, поощрять новое, идти на риск и заниматься творческой деятельностью (в широком смысле), а также решать возникающие в обществе проблемы и расширять узкие места»³⁸.

Норт включил в свое определение характеристики, которые соответствуют нашему описанию динамической эффективности: приобретение знаний, творчество, инновации и т. п. Кроме того, для него характерно особое внимание к *институциональному контексту*, стимулирующему творческую энергию и адаптивные способности различных обществ; так, в качестве примеров гибкости и адаптивности он приводит Европу и США.

С нашей точки зрения, главный недостаток Нортона состоит в следующем: он забывает упомянуть о том, что главным двигателем всех рыночных процессов является предпринимательство. Иначе говоря, Нортона интересует исключительно способность общества в целом *адаптироваться* к внешним переменам и ударам; существенно то, что Норт рассматривает перемены как нечто принципиально внешнее по отношению к обществу: именно поэтому он говорит об «адаптивной эффективности». Таким образом, его подход не активен, а реактивен. Он как будто не осознает, что именно энергия предпринимательства, присущая динамической эффективности и ее координирующей способности, и провоцирует те (эндогенные, а не внешние) перемены и удары, порождающие проблемы, к которым вынуждено адаптироваться общество.

Подход Нортона прямо противоположен подходу Шумпетера. Шумпетера интересует исключительно созидательная энергия предпринимательства и ее разрушительный потенциал (процесс «созидательного разрушения»); Норт исследует другой аспект предпринимательства: его адаптивную (координирующую) энергию. *При этом он совершенно забывает о созидательной природе предпринимательства. Таким образом, наша концепция порождаемой предпринимательством динамической эффективности позволяет объединить созидательное и координирующее измерения этого процесса, которые Шумпетер и Норт исследовали по отдельности,*

впадая до некоторой степени в редукционизм и пренебрегая существенными элементами изучаемого явления.

Динамическая эффективность и теория транзакционных издержек Рональда Коуза

Хотелось бы высказать несколько замечаний о возможной связи понятия динамической эффективности и теории транзакционных издержек Рональда Коуза, завоевавшей большой авторитет в области экономического анализа, особенно в сфере исследований права и институтов³⁹.

Вероятно, главное различие между теорией динамической эффективности и теорией транзакционных издержек сформулировал Израэль Кирцнер. С его точки зрения, главным препятствием для достижения динамической эффективности являются не транзакционные издержки, а то, что он называет «чистыми, или истинными, предпринимательскими ошибками», порождаемые недостаточной бдительностью предпринимателя⁴⁰. Иначе говоря, даже если представить себе nirvanу⁴¹, «идеальный мир, где нет транзакционных издержек», то все равно идеальной динамической эффективности там не будет, потому что многие возможности для извлечения прибыли не будут обнаружены в силу чистых, или истинных, предпринимательских ошибок. В конечном счете, несмотря на первое впечатление, теория транзакционных издержек несвободна от тех же самых недостатков, на которые мы указывали, когда анализировали статическое измерение эффективности. В частности, сравнительный институциональный анализ, при котором сравниваются транзакционные издержки различных институтов, основан на предположении, что, во-первых, эти издержки даны и известны, а во-вторых, что в каждой отдельно взятой ситуации существует возможность изменить конструкцию института так, чтобы скорректировать транзакционные издержки. Однако та структура транзакционных издержек, из которой мы исходим в рамках анализа, может внезапно и радикально измениться в результате акта чистого предпринимательского творчества, создающего новые возможности, в том числе производственные, и принципиально новые решения, которые до того никому из предпринимателей не пришли в голову.

Следовательно (мы еще рассмотрим этот вопрос подробнее), с точки зрения динамической эффективности первоначальное распределение прав собственности не может быть чем-то несущественным, поскольку динамическая эффективность основана на творчестве и предпринимательской координации (причем это относится и к случаю полного отсутствия транзакционных издержек, в отличие от того, что ошибочно подразумевается в теореме Коуза). На самом деле именно от распределения прав собственности в соответствии с этическими принципами, создающими условия для динамической эффективности (об этом мы будем говорить ниже), и зависит в каждый отдельный момент то, кто окажется под воздействием стимулов, пробуждающих предпринимательскую активность в ее неразрывно связанных между собой аспектах, творческом и координирующем. Иными словами, с точки зрения основанной на предпринимательстве динамической эффективности теорема Коуза – в любом ее толковании – неверна, потому что даже в гипотетическом институциональном сценарии с нулевыми транзакционными издержками распределение прав собственности всегда будет иметь значение, если целью является достижение динамической эффективности⁴².

Идея динамической эффективности в учебниках экономической теории

Большинство авторов учебников экономической теории даже не упоминают о динамическом аспекте экономической эффективности. Это свидетельствует о наличии у большин-

ства экономистов фиксации на сравнительной статике и равновесии и, следовательно, о том, насколько остро необходим переход к динамическому анализу рынков и к использованию понятия динамической эффективности.

Из 20 наиболее известных испанских и англоязычных учебников экономической теории о динамической эффективности упоминается только в четырех. Однако и в них содержится чрезвычайно беглый обзор этой идеи; к сожалению, она не используется авторами для анализа различных институтов и возможностей. Далее в этом параграфе дается краткий обзор наиболее примечательных подходов к динамической эффективности⁴³.

Несмотря на то что в учебнике Гвартни и Струпа «Экономическая теория: частный и общественный выбор» («Economics: Private and Public Choice»)⁴⁴ термин «динамическая эффективность» не фигурирует, авторы объясняют, что под воздействием творческой энергии предпринимателей и конкуренции между ними мир постоянно меняется. По их мнению, постоянный процесс перемен обязывает экономистов пересмотреть традиционные представления о статической эффективности.

Долан и Линдсей⁴⁵ уделяют анализу динамической эффективности, и особенно различиям между статической и динамической эффективностью (которую они называют «показателем, обеспечивающим с течением времени сдвиг границы производственных возможностей вправо») гораздо больше внимания, чем Гвартни и Струп. Статическую эффективность они считают «показателем того, насколько та или иная экономическая система близка к границе своих производственных возможностей». Долан и Линдсей упоминают в связи с понятием динамической эффективности о выдающейся роли Шумпетера в исследовании этого вопроса; они считают главными факторами динамической эффективности инновации и технологические открытия; при этом они не забывают ни о творческой энергии предпринимательства, ни о том, что ее открыли теоретики австрийской школы. Они даже пытаются оценить потери американской экономики от падения ее статической эффективности в период с конца Второй мировой войны до наших дней и приходят к цифре в среднем в 2,5 % ВВП США. После этого они пишут, что эти потери были с лихвой компенсированы выигрышем в динамической производительности благодаря творческой и координирующей силе американского предпринимательства.

В 1998 г. Вольфганг Каспер и Манфред Штрайт опубликовали учебник по экономическому анализу институтов. В нем они определяют экономическую эффективность как «неотъемлемую способность людей адаптироваться к новому знанию, реагировать на него или создавать его»⁴⁶. Как мы видим, это очень близко к нашему определению динамической эффективности. Кроме того, они, вслед за Демсецем, критикуют типичный для методологии неоклассиков «подход нирваны», основанный на сравнении реальности с утопией статической эффективности. Каспер и Штрайт приходят к выводу, что многие так называемые провалы рынка с динамической точки зрения таковыми не являются, так как они либо стимулируют творческую энергию и внедрение новых технологий (в случае «монополий»), либо представляют собой фундаментальное свойство реальных рынков (это относится, например, к «асимметрии информации», к связанному с каждым предпринимательским актом моральному риску, который в принципе невозможно застраховать, и т. п.). Они считают, что аналитики должны сравнивать реально существующие институты не с идеальными и недостижимыми моделями (как это делают сторонники экономической теории благосостояния), а со стимулирующими предпринимательское творчество и координацию институтами, которые можно реализовать на практике. Тем самым Каспер и Штрайт соединяют догадки Демсеца с теорией возникновения и создания знания Хайека, в соответствии с которой знание постоянно открывается предпринимателям в процессе их работы на рынке.

О’Дрисколл и Риццо в книге «Экономическая теория времени и неведения» («The Economics of Time and Ignorance»), близкой по духу учебнику Каспера – Штрайта, пишут, что неправильно, как это часто делают экономисты-неоклассики, критиковать реальные рыночные процессы за то, что они не соответствуют кривой производственных возможностей (т. е. за то, что предполагаемые «провалы рынка» мешают рынку достичь статической эффективности). С точки зрения О’Дрисколла и Риццо, критические выпады неоклассиков подразумевают, что мы якобы можем каким-то образом получить ту информацию, которая возникает непосредственно в ходе реального рыночного процесса, хотя если бы она была известна заранее, рыночный процесс стал бы избыточным и ненужным. Иными словами, кривая производственных возможностей не может быть известна никому, потому что она не является данностью: ее постоянно меняет и сдвигает вправо творческая энергия предпринимательства. Упрекать рынок в том, что он не доходит до предела, который никому не известен и постоянно меняется, не только серьезная экономическая ошибка, но и ошибочное основание для оправдания интервенционистских мер экономической политики, которые мешают реальному рыночному процессу в его стремлении постоянно отодвигать количественный и качественный предел производственных возможностей⁴⁷.

Наконец, нельзя не упомянуть учебник П. и Р. Воннакоттов, авторы которого пытаются дать динамической эффективности чисто «статическое» определение. С их точки зрения, динамическая эффективность – это «оптимальные» темпы технологических изменений. О том, как можно судить, приближается ли та или иная экономическая система к своему «оптимальному» темпу, Воннакотты ничего не пишут. Они заявляют, что модель совершенной конкуренции стимулирует динамическую эффективность, вынуждая предприятия быстро внедрять новые технологии. Они отмечают также, что вопрос о том, какая система больше всего способствует возникновению и созданию новых технологий: монополия или конкуренция – вызывает определенные споры. Взгляды Воннакоттов на динамическую эффективность не только целиком и полностью основаны на статической трактовке экономики, но и весьма путанны (вызывая замешательство). Такое впечатление, что им очень хотелось написать что-нибудь о динамической эффективности, потому что они считали ее важным фактором, но при этом они не смогли или не удосужились подкрепить свои слова динамическим анализом реальных рыночных процессов, в основе которых находится предпринимательство⁴⁸.

В заключение краткого обзора наиболее распространенных учебников следует констатировать, что, несмотря на отдельные отрадные исключения, современным экономистам все еще чужд принцип динамической эффективности, и тем более – его систематическое применение и учет многочисленных следствий из него. Когда они возьмут его на вооружение – ведь ни одно прикладное экономическое исследование не может исключить из рассмотрения аспект динамической эффективности, – это понятие постепенно просочится в учебники и в будущем станет обязательным разделом во всех руководствах по экономической теории.

Взаимосвязь этики с динамической эффективностью

Введение

Во втором разделе мы упоминали о том, что «вторая фундаментальная теорема экономической теории благосостояния», сформулированная в рамках статического подхода неоклассической теории, рассматривает эффективность и этику как два разных измерения, которые можно сочетать различным образом⁴⁹. С точки зрения экономической теории благосостояния существуют многочисленные оптимумы по Парето (каждая из точек на кривой производственных возможностей соответствует локальному оптимуму по Парето), каждому из которых может соответствовать своя этическая модель перераспределения доходов. Например, с точки зрения Бергсона– Самуэльсона, гипотетическая «функция общественного благосостояния» потенциально воплощает социально приемлемую модель перераспределения и может привести нас к *optimum optimum*, сверхоптимуму, который находится в точке пересечения функции общественного благосостояния с кривой производственных возможностей. Такой подход убедил многих ученых в том, что экономическая теория благосостояния плохо подходит для оценки экономической системы, поскольку они считали, что в конечном счете оценка будет зависеть от ценностных суждений, лежащих вне предмета экономической теории.

При введении динамического представления об экономической эффективности в парадигму мейнстрима последняя сразу же рушится: ведь, как мы увидим ниже, не все этические системы перераспределения доходов совместимы с динамической эффективностью, если понимать ее как предпринимательское творчество и предпринимательскую координацию. В данном случае теоретик сталкивается с захватывающей исследовательской задачей определения принципов социальной этики (распределительной справедливости), совместимых с теми рыночными процессами, которые характеризуют динамическую эффективность.

Этика как необходимое и достаточное условие динамической эффективности

Большая часть представлений о распределительной справедливости и социальной этике, господствовавших до настоящего времени и сформировавших «этический фундамент» влиятельных политических и общественных движений («социалистического» или социал-демократического характера), основана на статическом понимании экономической эффективности. Сложившаяся парадигма неоклассической экономической теории базируется на представлении о том, что информация объективна и дана (в том смысле, что ее либо можно знать точно, либо оценить с определенной вероятностью); это позволяет неоклассикам использовать анализ затраты – выгоды. Как мы уже отмечали, вопросы максимизации прибыли никак не связаны с моральными соображениями, поэтому два этих аспекта можно сочетать в разных пропорциях. Кроме того, доминирующий статический подход практически всегда приводит к представлению о том, что ресурсы тоже в определенном смысле известны и заданы, а экономическая проблема распределения ресурсов соответственно тоже отделена от вопроса их производства. Разумеется, если ресурсы даны, то исследование наилучшего способа распределить между разными людьми имеющиеся средства производства и конечные результаты различных производственных процессов является первоочередной задачей.

Но весь этот подход рушится, подобно карточному домику, в свете нового, динамического понимания рыночных процессов, основанного на теории предпринимательства и на том представлении о динамической эффективности, о котором мы подробно говорили выше. С

этой точки зрения у каждого человека есть врожденная творческая способность, позволяющая ему чувствовать и обнаруживать вокруг себя возможности для извлечения прибыли и действовать так, чтобы использовать их в своих интересах. Таким образом, предпринимательство – это специфически человеческая способность постоянно создавать и обнаруживать новые средства и цели. С этой точки зрения ресурсы никогда не даны заранее; цели и средства постоянно создаются *ex novo** предпринимателями, так как предприниматели всегда стремятся достичь новых целей, ценность которых они *открывают*. В то же время, как мы уже видели, творческая энергия предпринимательства сочетается с его координирующей силой. Но если цели, средства и ресурсы не «даны», а постоянно создаются из ничего в результате предпринимательской деятельности людей, то фундаментальным вопросом этики становится не то, как справедливо распределить «уже существующее», а то, как максимально поощрить предпринимательскую координацию и творческую энергию.

Следовательно, в области социальной этики мы приходим к следующему фундаментальному выводу. Представление о людях как о творческих и обеспечивающих координацию деятельных единицах базируется на аксиоме о том, что *каждый человек имеет право на присвоение результатов собственного предпринимательского творчества*. Иначе говоря, частное присвоение плодов предпринимательского творчества и предпринимательских открытий является принципом естественного права; ведь если экономический агент не имеет права притязать на то, что он создает и открывает, то его способность чувствовать возможности для извлечения прибыли будет заблокирована и у него пропадет стимул действовать. Этот принцип носит универсальный характер: он распространяется на всех людей, на все времена и на любое место в пространстве.

Сформулированная нами норма представляет собой этический фундамент любой рыночной экономики. У нее есть и другие очевидные и специфические достоинства. Во-первых, она обладает бесспорной и универсальной интуитивной притягательностью: представляется очевидным, что если человек создает что-то из ничего, то он имеет право на созданное им, потому что, поступая таким образом, он не наносит никому ущерба⁵⁰. (До того, как он создал нечто новое, этого не существовало; следовательно, его изобретение никому не вредит и приносит пользу как минимум своему создателю.) Во-вторых, этот универсальный этический принцип очень близок к традиционной норме римского права о гомстеде, т. е. первоначальном присвоении не принадлежащих никому ресурсов (*occupatio rei nullius**). Кроме того, он является решением парадокса, заключенного в так называемом условии Локка. Локк требовал, чтобы при первоначальном присвоении другим людям оставалось «достаточно» ресурсов. Наш принцип основан на творческой способности человека. При таком подходе условие Локка теряет смысл, ведь ни один продукт человеческого творчества не существовал до момента, когда предприниматель обнаружил или создал его, и следовательно, его присвоение не может нанести ущерба никому. Условие Локка имеет смысл только в статической среде, иначе говоря, когда считается, что ресурсы уже существуют («даны») в неизменном количестве и должны быть распределены между конкретным количеством людей.

Если смотреть на экономику как на динамичный предпринимательский процесс, то этический принцип, регулирующий взаимоотношения в обществе, опирается на представление, что справедливее всего то общество, которое наиболее энергично поощряет предпринимательское творчество всех своих членов. Чтобы достичь этой цели, общество должно априори гарантировать каждому человеку, что он сможет присвоить результаты своего предпринимательского творчества и никто не отберет их у него ни полностью, ни частично (и уж конечно этого не сделает власть).

Мы приходим к выводу, что сформулированный выше базовый принцип социальной этики, принцип частной собственности на все, созданное и открытое в результате предпринимательства, и следующий из него принцип добровольного обмена всеми благами и услугами

есть одновременно необходимое и достаточное условие динамической эффективности. Это необходимое условие, потому что воспрепятствование частной собственности людей на плоды их деятельности означает разрушение наиболее мощного стимула создавать и открывать возможности для извлечения прибыли, а также уничтожение фундаментального источника творчества и координации, порождающего динамическую эффективность экономической системы (т. е. сдвиг соответствующей кривой производственных возможностей вправо). Но этика частной собственности является не только необходимым, но и достаточным условием динамической эффективности. Поскольку всем человеческим существам присуща творческая энергия, свободная среда, где они не сталкиваются с насилием, а их частная собственность уважается, является достаточным условием для развития предпринимательского процесса творчества и координации, т. е. динамической эффективности.

Препятствование свободной человеческой деятельности посредством ограничения права людей владеть тем, что они создают в процессе предпринимательства, не только приводит к динамической неэффективности, мешая развитию творческой и координирующей способности людей: это еще и абсолютно аморально, поскольку такого рода принуждение не дает людям развивать в себе то, что является отличительной чертой человека, врожденную способность чувствовать и создавать новые цели и средства и действовать в соответствии с этим, стремясь достичь своих целей. В той степени, в какой государственное принуждение мешает предпринимательской деятельности людей, их творческие возможности будут ограничиваться; следовательно, информация и знания, необходимые для обеспечения координации в обществе, не будут создаваться или обнаруживаться. Итак, социализм и экономический интервенционизм государства не только динамически неэффективны, но и этически предосудительны⁵¹.

Именно поэтому социализм представляет собой не просто интеллектуальную ошибку. Он не просто не дает людям генерировать информацию, которая требуется регулирующему органу для координации общества посредством приказов. Социализм, как мы уже отмечали, противоречит природе человека и поэтому морально неприемлем. Иными словами, в свете нашего анализа становится видно, что социалистическая, интервенционистская система аморальна, потому что построена на использовании силы ради того, чтобы помешать людям притязать на продукт их личного предпринимательского творчества. Таким образом, социализм не просто невозможен теоретически и *неэффективен* динамически. Эта социальная система фундаментально *аморальна*, потому что она противостоит главному, что делает человека человеком: она препятствует людям свободно действовать и присваивать результаты собственного предпринимательского творчества, иначе говоря, она мешает их самореализации⁵².

Согласно нашему подходу, нет ничего более (динамически) эффективного, чем Справедливость (в ее истинном смысле). Если мы рассматриваем рынок как динамический процесс, динамическая эффективность, т. е. координация и творческая энергия, возникает из поступков людей, подчиняющихся определенным законам морали (предписывающим уважение к жизни, частной собственности и контрактам). Человеческая деятельность, согласующаяся с этими этическими принципами, порождает описанный нами выше динамически эффективный социальный процесс. Легко понять, почему с *динамической точки зрения эффективность нельзя совместить с несколькими моделями справедливости (как ошибочно утверждает вторая фундаментальная теорема экономической теории благосостояния) и почему она достигается лишь одной моделью справедливости (основанной на уважении к частной собственности и предпринимательству)*. Следовательно, между эффективностью и справедливостью не существует никакого противоречия. То, что справедливо, не может быть неэффективным, а то, что эффективно, не может быть несправедливым. Динамический анализ показывает, что справедливость и эффективность – это две стороны одной медали, *порождающие последовательный и непротиворечивый социальный порядок*. Таким образом, наш анализ динамической эффективности позволил нам выяснить, какие этические принципы создают условия для ее

существования. Но еще более существенно и важно то, что наша позиция обеспечивает объективный и единый методологический подход ко всем социальным проблемам⁵³.

Динамическая эффективность и принципы личной морали

До сих пор мы говорили о социальной этике и рассматривали ключевые принципы, обеспечивающие функционирование структуры, которой присуща динамическая эффективность. Наиболее интимные принципы личной морали находятся за пределами этой сферы. Влияние этих принципов на динамическую эффективность изучают редко; кроме того, их относят к иной сфере, чем сфера социальной этики. Однако мы считаем такое разделение совершенно неоправданным. На самом деле многие этические и моральные принципы имеют важное значение для динамической эффективности социальных процессов. В связи с этими нормами возникает следующий парадокс: их несоблюдение приводит к ужасающим потерям в динамической эффективности, но при этом попытки навязать их людям средствами государственного принуждения также порождают крайнюю неэффективность с динамической точки зрения. Существуют социальные институты, которые играют чрезвычайно важную роль в передаче и поощрении тех или иных личных моральных принципов. Эти принципы по своей природе таковы, что их невозможно навязать силой; тем не менее они оказывают существенное влияние на динамическую эффективность общества. Люди усваивают эти принципы, в частности, благодаря религии и семье, приучаются придерживаться их, а потом передают следующему поколению⁵⁴. Принципы сексуальной морали: создание семьи и ее сохранение на неопределенный срок, взаимная верность супругов и совместная забота о детях, сдерживание первобытных инстинктов и особенно преодоление и ограничение нездоровой зависти – все это очень важно для успешного функционирования социального процесса творчества и координации, стимулирующего динамическую эффективность общества.

Когда человек нарушает принципы морали, в конечном счете это всегда приводит к ужасающим человеческим издержкам не только для него самого, но и для большого числа прямо и косвенно связанных с ним лиц. Такое поведение может в значительной степени заблокировать динамическую эффективность общественной системы в целом. Еще более серьезная угроза – распространение аморального поведения в результате систематических процессов порчи нравов; в конечном итоге это может привести к полному параличу здорового и эффективного социального процесса. Поэтому изучение с точки зрения экономической теории динамической эффективности роли личных моральных принципов и различных социальных институтов, обеспечивающих и стимулирующих их соблюдение и сохранение, представляет собой чрезвычайно перспективную область исследований, и мы надеемся, что в будущем результаты этих исследований будут иметь практическое значение.

Приведем пример того, какое значение может иметь анализ личных моральных принципов для динамической эффективности. Рассмотрим то, как должны вести себя супруги, чтобы сохранить собственный брак и институт семьи ради своего собственного блага и, в особенности, ради блага детей. Например, если женатый мужчина высоко ценит свое легкомысленное желание быть рядом с молодой и привлекательной девушкой, то когда его дети вырастут, а жена постареет, он вполне может с ней развестись. Если такое поведение станет обычным, то женщины перед принятием решения выйти замуж и завести детей станут учитывать высокий риск того, что мужа бросят их, когда дети станут взрослыми, т. е. именно в тот момент, когда их возраст и квалификация поставят их в крайне невыгодное положение на рынке труда. В результате не просто возрастет число разводов, но и уменьшится число браков, а женщины будут откладывать замужество и детей, чтобы обеспечить себе материальную независимость. Все это приведет к резкому падению рождаемости. В отсутствие миграционного притока, спо-

способного смягчить этот тренд и возникающее в результате старение населения, пострадает социальный процесс предпринимательского творчества и предпринимательской координации. И для развития цивилизации, и для экономического и социального прогресса требуется постоянный рост населения, способного обеспечивать устойчивый рост социального знания, генерируемого творческой энергией предпринимательства. В конечном счете динамическая эффективность зависит от творческой энергии людей и их способности к координации; следовательно, при прочих равных она будет расти с ростом населения, а рост населения способна обеспечить лишь определенная мораль.

Легко увидеть, что в контексте взаимоотношений в семье личные моральные принципы становятся ключевым фактором динамической эффективности. Тем не менее государство не должно навязывать эти принципы, подобно тому как оно защищает, например, нормы уголовного права, хоть это и может на первый взгляд показаться парадоксальным. Уголовное право связано в основном с запретом на такое поведение, которое связано с преступным насилием или обманом по отношению к другим людям; иными словами, с физическим насилием или его угрозой или же с преступным достижением какой-либо цели с помощью обмана и грабежа. Принудительное навязывание принципов личной морали изуродует динамическую эффективность; отношения внутри семьи – это одна из самых интимных сфер жизни человека; внешнему наблюдателю практически невозможно получить всю необходимую информацию для того, чтобы дать им оценку, и уж конечно он неспособен решить внутрисемейные проблемы в ситуации, когда их не хотят или не готовы решать сами члены семьи. Придание принципам личной морали статуса норм закона может породить лишь закрытое общество доносчиков, где люди будут лишены практически всех личных свобод, составляющих фундамент предпринимательства – единственного во всем социальном процессе стимула динамической эффективности.

Эти соображения свидетельствуют о значимости непринудительных методов, благодаря которым люди усваивают и вырабатывают личные моральные стандарты и придерживаются их. Религиозное чувство и религиозные принципы, впитанные с молоком матери, играют в этом отношении очень большую роль (наряду с социальным давлением со стороны членов семьи и ближайшего окружения). Религиозные нормы дают человеку представление о том, как ему следует поступать, они помогают людям сдерживать свои первобытные инстинкты и выбирать себе друзей и брачных партнеров на всю жизнь. При прочих равных уважение к человеку должно зависеть от устойчивости и высоты его моральных принципов⁵⁵.

Эволюция этических принципов: институты, необходимые для динамической эффективности

В другом месте мы писали, что понимаем под институтом «любой регулярный поведенческий паттерн»⁵⁶. В сочетании со сказанным выше из этого определения можно сделать вывод о том, что социальный процесс творчества и координации, от которого зависит динамическая эффективность, должен регулироваться, или, иными словами, подчиняться, морали и праву, т. е. определенным моральным принципам и установлениям закона.

Как мы уже видели, базовый акт предпринимательства состоит в покупке по низкой цене и продаже по высокой, т. е. в использовании возможности для извлечения прибыли и обеспечения координации изначально некоординированного поведения социальных акторов. Этот акт может состояться и окончиться успешно исключительно в том случае, если выполнение обязательств всеми его участниками будет гарантировано; если же какие-либо обстоятельства приведут к аннулированию контракта или если в момент оплаты или поставки выяснится, что одна из сторон сделки дала согласие на нее потому, что была обманута или введена в

заблуждение относительно качества товара, то базовый акт предпринимательства завершен не будет. По этой причине базовые принципы права: уважение к жизни, приобретение прав собственности ненасильственным путем, соблюдение договоренностей – и вообще подчинение *сформировавшимся с течением времени требованиям права, гражданского и уголовного, представляют собой базовую институциональную структуру динамической эффективности, или, другими словами, ее необходимые предпосылки*. То же самое можно сказать о личных принципах морали, которые мы обсуждали в предыдущей главе, о естественном праве на владение частной собственностью и о следствиях из этого права. Все это образует фундамент базовой социальной этики, без которой динамическая эффективность невозможна.

Хотя эти принципы сформировались в результате процесса эволюции, они составляют часть природы человека. Иначе говоря, человеческая природа проявляет себя в процессе эволюции, и благодаря опыту прошлого и наличию у людей разума они имеют возможность усовершенствовать эти принципы с учетом прошлых логических ошибок и противоречий, усилить их и, тщательно исследовав, начать применять в новых областях, для решения новых проблем, встающих перед обществом. Следовательно, любой научный анализ динамического аспекта социальной эффективности должен начинаться с признания того, что такое исследование невозможно в условиях институционального вакуума; теоретический анализ динамической эффективности неотделим от изучения институционального контекста предпринимательского поведения. Поэтому мы чрезвычайно критически относимся к экономической теории нирваны, созданной экономистами-неоклассиками – сторонниками экономической теории благосостояния, большинство из которых стремятся оценивать реальные рыночные процессы, помещая их в полный институциональный вакуум, иначе говоря, полностью пренебрегая взаимодействием людей в реальном мире.

Это открывает для специалистов по прикладной экономике новое поле для исследований: анализ и переоценку всех социальных институтов (экономических, юридических, моральных, этических и даже лингвистических) с точки зрения их роли как фактора динамической эффективности. В другом месте мы уже писали, что теоретик, приступающий к исследованию этих вопросов, должен быть особенно скрупулезен и осторожен, потому что ему предстоит анализ очень сложных особенностей реально существующего общества, складывавшихся на протяжении длительного времени и заключающих в себе огромные объемы опыта и информации. Эти элементы, образующие человеческую природу, обычно трудно исследовать с помощью традиционного инструментария аналитика⁵⁷.

В следующем, заключительном, разделе этой главы мы приведем несколько примеров практического характера, чтобы указать, хотя бы приблизительно, направление, в котором, по нашему мнению, будет развиваться экономический анализ социальных институтов, если он будет основан на последовательном использовании сформулированного нами понятия динамической экономической эффективности.

Прикладное использование

Мы хотели бы перечислить несколько конкретных областей, где, с нашей точки зрения, очень пригодилось бы систематическое использование сформулированной выше теории динамической эффективности. Речь не идет о подробном анализе, это лишь предварительные замечания. Они могут оказаться полезными для тех ученых, которые придут к выводу, что исследование динамической концепции экономической эффективности может быть захватывающим и плодотворным занятием.

1. Прежде всего следует упомянуть о *теории налогообложения*. Мы уже видели, какую роль (чистая) предпринимательская прибыль (и убыток) играет в качестве ориентира для творческой и координирующей деятельности предпринимателей. На самом деле именно предпринимательская прибыль служит ориентиром и двигателем рыночного процесса, который ведет к динамической эффективности. Искажение предпринимательской прибыли в силу фискальных факторов может серьезно повлиять на процесс динамической эффективности (т. е. на творчество и координацию) и привести к большим издержкам, в результате чего динамическая эффективность снизится. Эти издержки возникают наряду с тем, что теоретики называют «избыточным бременем», которое в рамках модели равновесия соответствует потерям в статической эффективности (а это единственные потери, существование которых объясняет теория оптимального налогообложения)⁵⁸. Следовательно, в идеале, для того чтобы стимулировать динамическую эффективность, нужно избежать налогообложения чистой предпринимательской прибыли. Важно понимать, что если сформулировать цель экономической политики таким образом, возникнут серьезные проблемы; ведь чистая предпринимательская прибыль почти всегда неразрывно связана с другими источниками дохода (трудом, капиталом, землей и др.). Тем не менее такие трудности должны лишь вдохновить тех аналитиков и исследователей, которые стремятся увеличить динамическую эффективность, на поиск новых налоговых схем и разработку фискальных реформ, минимизирующих негативное воздействие налогов на предпринимательскую прибыль, иначе говоря, на предпринимательское творчество и координацию⁵⁹.

2. *Теории регулирования и интервенционизма* (т. е. экономическому анализу институционального принуждения) тоже пошло бы на пользу систематическое использование динамического подхода. Имеет смысл проанализировать все акты регулирования и экономического вмешательства, ограничивающие свободу предпринимательства, как факторы динамической неэффективности. Выявление неэффективности, порождаемой экономическим интервенционизмом, должно привести к выработке плана реформ, способных постепенно уничтожить существующие препоны для творчества и координации, тем самым увеличив динамическую эффективность системы.

3. Динамический подход позволяет совершенно по-новому взглянуть на *антимонопольное законодательство*. В ходе движимых энергией предпринимательства динамических рыночных процессов и при отсутствии институциональных ограничений свободной человеческой деятельности, т. е. предпринимательства, соперничество между предпринимателями часто приводит к тому, что в данное в время и в данном месте на рынке доминирует небольшое число производителей или даже один производитель. Это обстоятельство не указывает на «провал рынка», а, напротив, является одним из типичнейших проявлений успеха тех предпринимателей, которым лучше, чем их соперникам, удается удовлетворять желания потребителей (т. е. открывать и создавать новые продукты более высокого качества и выходить с ними на рынок по более низкой цене). Рестриктивное законодательство, предназначенное якобы для «защиты» конкуренции, может породить высокие издержки с точки зрения динамической эффективности, так как потенциальные предприниматели будут исходить из того, что в случае

успеха (успешного внедрения изобретения, успешного запуска нового продукта или успешного завоевания рынка) государство будет претендовать на результаты их творчества и даже частично или полностью изымать их. История с «Майкрософт» и подобные ей истории борьбы с «монополистами» сегодня у всех на устах, поэтому мы не будем вдаваться в подробности. Высказанное выше соображение относится к многим другим обычаям, например к ценовым соглашениям между поставщиками, к договоренностям о разделе рынка, совместной продаже товаров, соглашениям об эксклюзивной дистрибуции и т. п. Хотя эти меры могут восприниматься как ограничительные с точки зрения статической эффективности – а ныне существующее монопольное законодательство основано на статическом подходе, – они могут быть вполне рациональны с точки зрения обеспечения динамической эффективности, играющей важнейшую роль в реальных рыночных процессах⁶⁰.

4. *Теория экономического развития* – это еще одна сфера, где использование теории динамической эффективности может принести хорошие результаты. Применительно к ней следует поставить вопрос о том, какие реформы могли бы уничтожить барьеры для предпринимательства и стимулировать предпринимательство в развивающихся странах. Не будем забывать, что предприниматель – ведущая фигура в любом процессе экономического развития. Поэтому невозможно не поражаться тому, что авторы многочисленных томов об экономических проблемах «третьего мира» игнорируют эту ключевую фигуру процесса экономического роста и его творческую и координирующую роль, хотя именно это сводит на нет все их усилия. В этом смысле неоклассические специалисты по догоняющему развитию в значительной степени несут ответственность за то, что экономический курс правительств развивающихся стран не включает мер, направленных на защиту, стимулирование и поощрение отечественных предпринимателей, а также тех иностранцев, которые принимают решение вложить свои средства в наиболее нуждающиеся в инвестициях страны, где население балансирует на грани выживания.

5. Использование теории динамической эффективности может многое дать *макроэкономике* вообще и *теории денег* в частности. Со времен Карла Менгера нам известно, что деньги сформировались по обычаю, а стимулом для их развития была предпринимательская смелкалка тех немногих, кто первым сообразил, что им будет проще достичь своих целей, если они будут требовать в обмен на товары и услуги легкоторгуемое на рынке средство обмена. После того как такое поведение распространилось и вошло в привычку, деньги превратились в общепринятое средство обмена. На самом деле в статической, обладающей 100 %-ной эффективностью модели равновесия деньги не нужны, потому что в ней нет неопределенности будущего, а следовательно, никому не нужны остатки наличности. Однако реальность непредсказуема, в значительной мере – благодаря творческой энергии предпринимателей, и поэтому людям необходимы остатки наличности, чтобы действовать в условиях меняющегося и принципиально неопределенного будущего. Таким образом, деньги обязаны своим происхождением той неопределенности, которую порождает творческая энергия предпринимательства; в то же время они дают людям возможность заниматься творческим и координирующим предпринимательством, так как позволяют им иметь выбор перед лицом принципиально неопределенного будущего. Важно, чтобы монетарные институты не мешали процессам предпринимательской координации, т. е. чтобы они не препятствовали достижению динамической эффективности. Например, если создание денег в форме кредитной экспансии позволяет запускать инвестиционные проекты темпами, совершенно не соответствующими реальному увеличению добровольных сбережений в обществе, то в поведении инвесторов и потребителей возникнет колоссальная межвременная рассогласованность. На первом этапе она будет проявляться в надувании спекулятивного пузыря за счет расширения выпуска фидуциарных средств, что в итоге приведет к непропорциональному росту цен на капитальные блага. Процесс экспансии рано или поздно обратится вспять в форме рецессии, в ходе которой проявятся совершенные в период кредитной экспансии предпринимательские ошибки и возникнет необ-

ходимость остановить или реструктурировать начатые по ошибке инвестиционные процессы⁶¹. Оценка современных денежных и кредитных институтов в свете сформулированного нами выше представления о динамической эффективности открывает перед учеными новые возможности. С течением времени они смогут разработать реформы, направленные на стимулирование творческой энергии предпринимательства и интертемпоральной координации. Это позволит избежать тех искусственных нарушений, координации, которые после возникновения в начале XIX в. банковской системы с частичным резервированием стали бичом современных рыночных экономик.

6. Наконец, следует радикально пересмотреть *экономический анализ права, правового регулирования и социальных институтов*, который до настоящего момента опирался исключительно на традиционные постулаты модели равновесия, в свете новых открытий и гипотез, основанных на динамическом представлении об эффективности. Этот новый подход позволяет оценить различные законодательные акты и социальные институты по-новому, применительно к их способности стимулировать предпринимательское творчество и координацию. Динамический подход существенно обогатит экономический анализ договорного права, гражданско-правовой ответственности, патентного и авторского права, семейного права и т. д. Его можно с успехом использовать для экономического анализа любых законов и институтов, связанных с реальной социальной средой, по своей природе имеющей динамический характер. Понятно, что этими примерами возможные способы практического использования динамического представления об экономической эффективности никоим образом не ограничиваются. Мы уже говорили, что этот подход можно и нужно применять во всех сферах экономической науки, как теоретической, так и прикладной. Мы горячо надеемся, что наш список послужит стимулом для молодых ученых-экономистов и что их будущие усилия увенчаются заслуженным успехом.

Выводы

В этой статье мы пришли к следующим основным выводам:

1. Динамическую эффективность можно описать как способность экономической системы стимулировать предпринимательское творчество и координацию.

2. Несмотря на это, вплоть до настоящего времени большинство профессиональных экономистов занимались почти исключительно эффективностью распределения ресурсов, т. е. статическим аспектом экономической эффективности, не обращая внимания на ее динамический аспект.

3. Однако динамическая эффективность – это наиболее важный аспект экономической эффективности, особенно в реальном мире, где невозможно достичь равновесия и где идеал эффективности распределения ресурсов, или статической эффективности, по определению недостижим.

4. Многие институты и модели поведения, которые представляются неэффективными с точки зрения краткосрочных критериев распределения ресурсов, или статических критериев, способны оказать мощное позитивное воздействие на динамическую эффективность. Соответственно перед исследователями встает задача анализа возможного баланса двух аспектов эффективности и выработки плана реформ, направленных на поощрение предпринимательского творчества и координации.

5. Динамическая эффективность не предполагает разнообразия моделей этики; ей соответствует лишь одна модель: та, в которой сильнее всего уважение к частной собственности и особенно – к праву предпринимателя на присвоение результатов собственного творчества. Таким образом, этика и динамическое понятие эффективности – это две стороны одной медали. Кроме того, мы полагаем, что сложившиеся в ходе истории базовые принципы человеческой морали способствуют динамической эффективности. Поэтому наш динамический подход к экономическому анализу обеспечивает единообразную методологическую трактовку всех социальных проблем; в его контексте эффективность и справедливость не отделены друг от друга, а неразрывно связаны друг с другом и обладают эффектом взаимного усиления.

6. Наконец, мы считаем, что любой анализ экономической эффективности будет неполон без учета динамического аспекта. Иными словами, любой исследователь, занимающийся прикладными экономическими вопросами, обязан учитывать влияние предлагаемых им реформ, институтов или практик на динамическую эффективность. Динамическая эффективность должна стать ключевым фактором, который необходимо учитывать в любых экономических исследованиях. Это не только откроет перед будущими экономистами новые научные горизонты, но и приведет к более динамичному (в смысле динамической эффективности) развитию нашей дисциплины, призванной стоять на службе человечеству.

Глава 2 Австрийская школа и «спор о методах»: история вопроса и современное состояние¹

Отличительная особенность австрийской школы и ее главная заслуга – создание теории человеческой деятельности (в отличие от теории экономического равновесия, т. е. бездействия).

Лювиг фон Мизес²

Введение

Крах реального социализма и кризис государства всеобщего благосостояния нанесли тяжелый удар по неоклассикам, поддерживавшим социальную инженерию, тогда как тезис австрийской теории о невозможности социализма блестяще подтвердился. В 1996 г. австрийской школе исполнилось 125 лет: она родилась в 1871 г., с выходом в свет «Оснований политической экономии» Карла Менгера³. Вероятно, сейчас, в свете последних исторических событий и тенденций в сфере экономической мысли, настал подходящий момент для того, чтобы вернуться к анализу различий и сравнительных преимуществ австрийского и неоклассического подхода.

Статья построена следующим образом. Вначале мы подробно остановимся на специфике каждого из двух подходов. Затем коротко опишем этапы «спора о методах» (*Methodenstreit*), который с 1871 г. ведет австрийская школа, и кратко проанализируем эту тему. В завершение будет дан ответ на наиболее распространенные возражения по адресу австрийцев и оценка сравнительных преимуществ двух рассмотренных нами теоретических подходов.

Принципиальные различия между австрийской И неоклассической школами

Вероятно, в большинстве учебных курсов по истории экономической мысли не хватает сравнительного обзора основных элементов австрийской школы и неоклассического мейн-стрима. В табл. 2.1 предпринята попытка заполнить эту лауну. Она охватывает основные различия между двумя подходами.

Таблица 2.1

Принципиальные отличия австрийской школы от неоклассической

	АВСТРИЙСКАЯ ПАРАДИГМА	НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
1. Представление о том, что такое экономическая наука (основной принцип)	Теория человеческой деятельности, понимаемой как динамический процесс (<i>праксиология</i>)	Теория <i>принятия решений</i> : рациональная, основанная на максимизации с учетом ограничений.
2. Исходная методология	<i>Субъективизм</i>	(Объективистский) стереотип <i>методологического индивидуализма</i>
3. Протагонист социального процесса	Творец-предприниматель	<i>Ното оесопотисис</i>
4. Возможность/невозможность априорных ошибок акторов и природа предпринимательской прибыли	Существуют чистые предпринимательские ошибки, вызывающие сожаление <i>ex post</i> ; источником чистой предпринимательской прибыли является предпринимательская алертность	Нет таких ошибок, о которых стоило бы жалеть, потому что все решения можно объяснить посредством анализа затраты—выгоды; прибыль — это вознаграждение за услуги, оказанные каким-либо производственным фактором
5. Природа информации	Знание и информация <i>субъективны, рассеяны в пространстве</i> и постоянно <i>меняются</i> (предпринимательское творчество); научное (объективное) знание радикально отличается от практического (субъективного)	Постулируется наличие полной, объективной и <i>неизменной</i> информации о целях и средствах; между практическим (предпринимательским) и научным знанием нет различий
6. Точка отсчета	Всеобщий координирующий процесс; отсутствие различий между микро и макро: все экономические проблемы рассматриваются как взаимосвязанные	Модель <i>равновесия</i> (общего или частичного); отделение микроэкономики от макроэкономики
7. Представление о конкуренции	Процесс соперничества предпринимателей	Ситуация или модель «совершенной конкуренции»
8. Представление об издержках	<i>Субъективные</i> (зависят от способности предпринимателя обнаруживать новые цели)	Объективные и постоянные (доступны третьим лицам; можно измерить)
9. Способ представления	<i>Вербальный</i> , основанный на формальной логике и абстракции; позволяет учесть субъективное время и творческую природу человека	<i>Математический</i> (использование символического языка, обычно применяемого для анализа постоянных атемпоральных феноменов)

10. Связь с эмпирической реальностью	<i>Априоризм, дедуктивный</i> характер рассуждений; резкое разведение (и одновременно — соположение) теории (науки) и истории (искусства); история не является доказательством теории	<i>Эмпирическая</i> фальсификация гипотез (по крайней мере декларируется)
11. Конкретные прогнозы	Невозможны, потому что будущее зависит от будущего предпринимательского знания, которое еще не создано; возможны исключительно качественные теоретические предсказания «паттернов» негативных последствий, к которым приводит нарушающее процесс координации вмешательство государства	Являются целью
12. Кто занимается прогнозами?	Предприниматели	Экономические аналитики (специалисты по социальной инженерии)
13. Текущее состояние	<i>Возрождение</i> (последние 20 лет, особенно после кризиса кейнсианства и крушения реального социализма)	Нарастающий <i>кризис</i> ; <i>изменения</i>
14. Позиции (с точки зрения вложенного «человеческого капитала»)	<i>Меньшинство</i> (но растущее)	<i>Большинство</i> (но наличие некоторое рассеяние и брожение)
16. Последние открытия	<ul style="list-style-type: none"> • критический анализ институционального принуждения (социализма и интервенционизма) • теория свободной банковской деятельности и экономических циклов • эволюционная теория (правовых и этических институтов) • теория предпринимательства • критический анализ «социальной справедливости» 	<ul style="list-style-type: none"> • теория общественного выбора • экономический анализ семьи • экономический анализ права • неоклассическая макроэкономика • экономическая теория «информации»
17. Представители	Ротбард, Мизес, Хайек, Кирцнер	Коуз, Демсец, Блауг, Самуэльсон, Бьюкенен, Стиглиц, Фридман, Беккер

Теория деятельности (австрийцы) и теория принятия решений (неоклассики)

Теоретики австрийской школы рассматривают экономическую науку как теорию деятельности, а не как теорию принятия решений, и это одно из самых главных различий между ними

и неоклассиками. В понятие человеческой деятельности входит как принятие индивидуальных решений, так и многое другое. С точки зрения австрийской школы понятие деятельности включает не только гипотетический процесс принятия решений в ситуации, когда информация о целях и средствах «дана», но и прежде всего – и это чрезвычайно важно – «само представление о структуре целей и средств, которые должны будут размещаться и экономно использоваться»⁴. Кроме того, для австрийцев важен не сам факт принятия решения, а то, что это решение имеет виду действия человека в ходе *процесса* (который может завершиться или не завершиться каким-либо результатом), представляющего собой последовательность взаимодействий и процессов координации, изучение которых, собственно, и является, с их точки зрения, предметом экономической науки. Таким образом, для австрийцев экономическая теория – это не теория выбора или принятия решений, а теория процессов социального взаимодействия, которые могут обладать большей или меньшей степенью координации в зависимости от бдительности индивидуальных участников актов предпринимательства⁵.

Соответственно австрийцы очень критически относятся к тому узкому пониманию экономической теории, которое восходит к знаменитому определению Роббинса (экономическая теория – это наука, изучающая использование редких ресурсов, которые можно по-разному использовать для удовлетворения потребностей людей)⁶. Определение Роббинса исходит из того, что цели и средства известны; поэтому задача экономической науки сводится к чисто технической задаче распределения, максимизации и оптимизации при известных ограничениях. Иными словами, представление Роббинса об экономической теории является неоклассическим и не имеет никакого отношения к австрийской школе в современном понимании. Человек, каким его представлял себе Роббинс, это автомат или карикатура; он способен лишь пассивно реагировать на внешние раздражители. Совершенно по-другому воспринимали человека Мизес, Кирцнер и остальные австрийцы. Они считали, что на самом деле люди не распределяют имеющиеся у них средства в соответствии с заранее известными целями, а постоянно находятся в поиске новых средств и целей, используя для этого опыт прошлого и собственное воображение и создавая своими действиями будущее. Поэтому, согласно австрийцам, экономическая теория является частью более общей дисциплины – общей теории человеческой деятельности (а не принятия решений). По мнению Хайека, если эту общую науку о человеческой деятельности «нужно как-то называть, то более всего уместен термин „праксиологические науки“. Предмет этих наук исчерпывающе описан Людвигом фон Мизесом, который часто использовал слово „праксиология“»⁷.

Субъективизм (австрийцев) и объективизм (неоклассиков)

Вторым важнейшим свойством австрийской школы является ее субъективизм⁸. Он выражается в стремлении построить экономическую науку с учетом существования реальных, живых людей, которые рассматриваются в качестве ведущих творческих участников всех социальных процессов. Именно поэтому Мизес писал: «Экономическая теория – это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей»⁹.

Поэтому австрийцы – и это значительно отличает их от неоклассиков – считают, что источниками экономических ограничений являются не объективные явления и материальные факторы внешнего мира (например, запасы нефти), а субъективные предпринимательские знания людей (например, изобретение карбюратора, вдвое увеличившего эффективность двига-

теля внутреннего сгорания, *имеет тот же экономический эффект*, что и удвоение физических запасов нефти).

Предприниматель (у австрийцев) и homo oeconomicus (у неоклассиков)

В австрийской экономической теории понятие предпринимательства играет ведущую роль; напротив, в неоклассической экономической науке оно блистает своим отсутствием. Предприниматель – фигура, типичная для реального мира, который постоянно находится в неравновесном состоянии; но именно поэтому предприниматель отсутствует в моделях равновесия, поглощающих все научные силы неоклассиков. Неоклассики рассматривают предпринимательство как один из факторов производства, который используется в зависимости от ожидаемых затрат и выгод; они не понимают, что, представляя предпринимателя таким образом, они впадают в неразрешимое логическое противоречие: для того, чтобы распределять предпринимательские ресурсы в соответствии с ожидаемыми затратами и выгодами, нужно обладать информацией (о вероятной ценности будущих затрат и выгод), которую предприниматели *еще не создали*. Иными словами, главная функция предпринимателя состоит в том, что он создает и открывает новую, не существовавшую и не известную до него информацию, а в этой ситуации принимать неоклассические решения, т. е. размещать ресурсы заранее на основании ожидаемых затрат и выгод, невозможно.

Кроме того, в наши дни все теоретики австрийской школы считают ложным представление о том, что источником прибыли предпринимателя является предпринимательский риск. Риск, наоборот, представляет собой дополнительные издержки производства и не имеет ничего общего с чистой предпринимательской прибылью¹⁰.

Предпринимательские ошибки (у австрийцев) и рационализация всех принятых решений постфактум (у неоклассиков)

Тому, что австрийцы и неоклассики совершенно по-разному понимают, что такое *ошибка*, как правило, не придают особого значения. С точки зрения австрийцев совершить чисто предпринимательскую ошибку¹¹ просто: это происходит всякий раз, когда предпринимателям не удастся обнаружить скрытые возможности для извлечения прибыли. Именно существование такого типа ошибок и является источником чистой предпринимательской прибыли. С точки зрения неоклассиков, напротив, чистых предпринимательских ошибок, таких, о которых впоследствии можно было бы пожалеть (*ошибках, достойных сожаления*), не существует. Неоклассики дают всем принятым решениям рациональное обоснование постфактум посредством анализа затраты – выгоды в рамках условной максимизации. Поэтому в мире неоклассиков никаких оснований для появления чистой предпринимательской прибыли не существует, а когда о ней все-таки упоминают, то рассматривают ее как компенсацию услуг соответствующего производственного фактора или же как доход, полученный в результате принятия риска предпринимателем.

Субъективная информация (у австрийцев) и объективная информация (у неоклассиков)

Предприниматели постоянно порождают *новую информацию*; эта информация носит субъективный, практический, дисперсный характер, и ее трудно выразить словами¹². Поэтому субъективная информация является важнейшим элементом австрийской методологии, но

отсутствует в методологии неоклассиков, так как последние склонны считать информацию объективной. Большинство экономистов не осознает, что, когда австрийцы и неоклассики говорят об *информации*, они имеют в виду принципиально разные вещи. Для неоклассиков информация, подобно товарам, есть нечто объективное; она продается и покупается на рынке в результате принятия максимизирующего решения. Эта «информация», которую можно хранить на различных носителях, не имеет ничего общего с *информацией в субъективном смысле*. Австрийцы, говоря об информации, имеют в виду значимое в практическом отношении знание, которое действующий субъект создает, истолковывает, познает и использует в контексте конкретных действий. Соответственно австрийцы критикуют Стиглиц и других неоклассиков, занимающихся теорией информации, за то, что их теория информации, в отличие от австрийской, игнорирует главный источник информации – предпринимательство. Кроме того, с их точки зрения, Стиглиц не вполне понимает, что *информация* всегда субъективна и что «несовершенные» рынки не порождают «неэффективности» (в понимании неоклассиков), а создают потенциальные возможности для получения предпринимательской прибыли, которые предприниматели находят и используют, тем самым стимулируя процесс координации рынка¹³.

Предпринимательская координация (у австрийцев) и общее и/или частичное равновесие (у неоклассиков)

Модели равновесия экономистов-неоклассиков обычно не учитывают той координирующей силы, которой, по мнению австрийцев, обладает предпринимательство. На самом деле эта сила не просто создает и передает информацию, но и – что гораздо важнее – создает основу для координации рассогласованных поступков действующих в обществе людей. В итоге любые нарушения координации в обществе реализуются в виде возможностей извлечения прибыли, которые остаются латентными до тех пор, пока их не обнаружат предприниматели. Когда предприниматель обнаруживает наличие такой возможности и начинает использовать ее в своих интересах, она исчезает. Так функционирует *стихийный процесс координации*, благодаря которому любая рыночная экономика стремится к равновесию. Кроме того, координирующая природа предпринимательства – это единственное, что превращает экономическую теорию в науку, если понимать под «наукой» теоретический *корпус* законов координации, с помощью которых можно объяснить социальные процессы¹⁴. Именно поэтому экономисты австрийской школы изучают *динамическое* явление конкуренции (понимаемой как процесс *соперничества*), а неоклассики занимаются исключительно *статическими* по своей природе моделями равновесия («совершенной» конкуренцией, монополией, «несовершенной», или монополистической, конкуренцией)¹⁵. С точки зрения Мизеса, как мы видим (см. с. 33), строить экономическую науку на основании модели равновесия, т. е. исходя из того, что вся информация, необходимая для построения функций спроса и предложения, рассматривается как «данность», просто нет смысла. По сравнению с неоклассиками австрийцы совершенно иначе формулируют основную задачу экономической науки. По их мнению, экономическая наука – это изучение динамического процесса *социальной координации* (общественного сотрудничества), отдельные участники которого постоянно порождают новую информацию (которая никогда не «дана») в процессе поиска значимых для них в контексте их действий целей и средств и тем самым, сами того не осознавая, порождают стихийный процесс координации. Таким образом, для австрийцев базовая проблема экономической теории не носит технического или технологического характера, в отличие от неоклассиков, которые обычно считают цели и средства «данностью» и соответственно считают главной проблемой экономической науки чисто техническую проблему максимизации. Иными словами, для австрийцев главная задача экономической теории – не максимизация заранее известной целевой функции, ограниченной условиями, которые

также известны заранее. Напротив, это сугубо экономическая проблема: *она возникает в условиях конкуренции множества средств и целей, информация о которых не является неизменной и заранее данной, а рассеяна в умах бесчисленных людей, непрерывно создающих и порождающих и это новое знание; в силу этого все уже существующие возможности и те возможности, которые будут созданы в будущем, а также степень интенсивности, с которой люди будут их использовать, принципиально не могут быть известны и познаны*¹⁶.

Кроме того, необходимо понимать, что даже в том, что кажется просто максимизацией или оптимизацией человеческой деятельности, всегда есть предпринимательский компонент, потому что субъект деятельности, чтобы начать действовать, обязательно должен осознать, что данный образ действий, пусть автоматический, механический и пассивный, является наилучшим в его конкретных обстоятельствах. *Иными словами, неоклассический подход – это всего лишь частный (и не слишком существенный) случай австрийской теории, куда более общей, более богатой содержанием и более корректно объясняющей реальный мир.*

С точки зрения австрийцев нет никакого смысла жестко отделять макроэкономику от микроэкономики, как поступают неоклассики. Напротив, экономические проблемы нужно изучать во всей сложности их взаимосвязей, не проводя деления на микро– и макрокомпоненты. Разделение экономической науки на «микро» и «макро»-аспекты является характерным недостатком современных учебников и хрестоматий по политической экономии для начинающих. Вместо того чтобы, как Мизес и другие экономисты австрийской школы, сформулировать единый подход к экономическим проблемам, неоклассические учебники всегда делят экономическую науку на две не связанных друг с другом дисциплины («микроэкономике» и «макроэкономике»), которые, естественно, можно изучать по отдельности. Как справедливо отметил Мизес, это разделение происходит из-за того, что они используют понятия типа *общего уровня цен*, игнорируя достижения субъективной маржиналистской теории ценности в области теории денег и культивируя атавистические реликты донаучной стадии развития экономической теории, когда в качестве аналитических инструментов использовались агрегаты, или глобальные классы благ, а не инкрементальные, или предельные, единицы благ. Так возникла целая «дисциплина», основанная на изучении механических соотношений, якобы существующих между макроэкономическими агрегатами, чью связь с человеческой деятельностью трудно, а то и вообще невозможно понять¹⁷.

Так или иначе, фокусом исследования для экономистов-неоклассиков стала модель равновесия. Эта модель исходит из того, что вся информация «дана» (в абсолютном либо вероятностном отношении), а разнообразные переменные находятся в идеальном соотношении друг с другом. С точки зрения австрийцев главный недостаток этой методологии – представление о том, что все переменные и параметры идеально сбалансированы, так как на этом основании легко прийти к ошибочным заключениям относительно причинно-следственных связей между различными экономическими понятиями и явлениями. *В результате равновесие действует как своего рода вуаль, мешающая теоретикам обнаружить истинное направление причинно-следственных векторов, воплощенных в экономических закономерностях.* Для экономистов-неоклассиков на месте направленных определенным образом причинно-следственных законов существует взаимная обусловленность явлений, первопричина которой (человеческая деятельность) остается скрытой либо считается несущественной¹⁸.

Субъективные издержки (у австрийцев) и объективные издержки (у неоклассиков)

Одним из важнейших элементов австрийской методологии является чисто субъективное понятие издержек. Многие экономисты считают, что понятие субъективных издержек

довольно просто включить в парадигму неоклассического мейнстрима. На самом деле это чистейшей воды риторика. В конечном счете неоклассики, хотя и рассуждают о важности представления об альтернативных издержках (*cost of opportunity*), на самом деле всегда включают в свои модели объективированные издержки. Между тем для австрийцев издержки – это субъективная ценность для действующего субъекта тех целей, от которых он отказывается, когда принимает решение действовать определенным образом. Иными словами, объективных издержек не существует. Инструмент определения издержек – это предпринимательская бдительность действующего субъекта. И действительно, многие возможности могут долго оставаться незамеченными, но стоит их обнаружить, как *субъективное восприятие* издержек предпринимателем резко меняется. Следовательно, объективных издержек, определяющих ценность целей, не существует. В жизни издержки, наоборот, имеют субъективную ценность, которая в силу своей субъективности зависит от субъективной ценности истинных целей действующего субъекта (потребительских благ). Поэтому, с точки зрения представителей австрийской школы, конечные цены потребительских благ, представляющих собой результат материализации субъективных оценок на рынке, определяют те издержки, которые действующий субъект готов нести ради того, чтобы произвести их – а не наоборот, как склонны полагать неоклассики.

Формальная логика (австрийцев) и математические формулы (неоклассиков)

Одно из важных и интересных различий между двумя школами связано с их отношением к использованию математики в экономическом анализе. Уже в момент зарождения австрийской школы ее основатель Карл Менгер счел нужным заявить: преимущество слов над математическими формулами в том, что словами можно выразить сущность (*das Wesen*) экономических явлений, а формулами – нет. В письме Вальрасу, написанном в 1884 г., Менгер восклицает: «Как можно с помощью математических методов познать сущность явлений, например сущность ценности, сущность земельной ренты, сущность предпринимательской прибыли, разделения труда, биметаллизма и т. п.?»¹⁹ Математические методы прекрасно подходят для описания моделей равновесия, которые изучают экономисты-неоклассики, но не подходят для работы с такими ключевыми компонентами австрийской теории, как субъективный фактор времени и в особенности – с фактором предпринимательского творчества. Вероятно, лучше всех это уловил Ганс Майер, писавший: «По сути дела, ядром всех теорий математического равновесия является более или менее завуалированные фикция. *Эти теории связывают в систему уравнений функционирующие в составе причинно-следственной последовательности разновременные величины таким образом, как если бы эти величины существовали одновременно.* „Статический подход“ синхронизирует ситуацию, которая в реальности представляет собой процесс. Но когда мы рассматриваем порождающий процесс „статически“ т. е. как состояние покоя, мы выхолащиваем саму его суть»²⁰.

Это означает, что, с точки зрения австрийцев, многие объяснения и выводы, полученные с помощью неоклассического анализа производства и потребления, лишены смысла. Например, это относится к так называемому «закону равенства взвешенных (по ценам) предельных полезностей», имеющему под собой весьма сомнительное теоретическое основание. Этот закон подразумевает, что действующий субъект способен *одновременно* оценить полезность всех благ, находящихся в его распоряжении, т. е. не учитывает того, что любая деятельность носит творческий и *последовательный* характер. В реальности блага оцениваются не одновременно (что действительно означало бы равную предельную полезность), а последовательно, на разных стадиях процесса и в контексте разных действий, и потому их предельные полезности не только различаются, но и в принципе несоизмеримы²¹. Иначе говоря, с точки зрения австрийцев, использование математики в экономической теории неадекватно потому, что

математические формулы синхронно связывают друг с другом разнородные с точки зрения времени и предпринимательского творчества величины. По той же самой причине, с точки зрения представителей австрийской теории, аксиоматические критерии рациональности, которые часто используют экономисты-неоклассики, тоже не имеют смысла. Действительно, если действующий субъект предпочитает А – В и В – С, то он вполне может предпочитать С – А, и если его предпочтения изменились, это вовсе не свидетельствует о его «иррациональности» (даже если перемена занимает сотую долю секунды)²². По мнению австрийцев, в неоклассических критериях «рациональности» последовательность перепутана с неизменностью.

Связь с эмпирическим миром и различие представлений о «прогнозировании»

Австрийская парадигма резко отличается от неоклассической своим отношением к эмпирической реальности и к возможностям прогнозирования (предсказания). Собственно, то, что ученый-«наблюдатель» в принципе не может получить практическую информацию, которую непрерывно и децентрализованно создают и обнаруживают «объекты наблюдения», т. е. действующие субъекты-предприниматели, уже свидетельствует о том, что никакая эмпирическая верификация экономической теории невозможна. На самом деле, по мнению австрийцев, доказательство теоретической невозможности социализма одновременно доказывает невозможность эмпирицизма и анализа затраты – выгоды (т. е. утилитаризма в узком смысле) в экономической науке. Совершенно несущественно, кто именно – исследователь или правитель – безуспешно пытается получить практическую информацию о конкретной ситуации для того, чтобы либо верифицировать свои теории, либо придать своим приказам координирующий характер. Если бы это было возможно, полученную информацию можно было бы использовать и для обеспечения в обществе координации с помощью принудительных команд (социализма и интервенционизма), и для эмпирической верификации экономических теорий. Однако с точки зрения австрийской экономической теории и социалистический идеал, и позитивистский (утилитаристский в узком смысле) идеал невозможны по нескольким причинам: во-первых, ввиду колоссального объема информации, требующейся для их реализации; во-вторых, в силу характера этой информации (рассеянной, субъективной и неартикулированной); в-третьих, в силу динамического характера предпринимательского процесса (невозможно передать ту информацию, которую предприниматели еще не сгенерировали в ходе непрерывного процесса творческой инновации, т. е. предпринимательства); в-четвертых, из-за последствий принуждения и эффекта самого научного «наблюдения» (искажений и порчи информации, а также создания препятствий, мешающих ее порождению).

Те же аргументы лежат в основе мнения австрийцев о теоретической невозможности *конкретных* (т. е. имеющих количественное содержание и относящихся к конкретному месту и времени) экономических *прогнозов*. Наука не может сегодня точно знать, что случится завтра, потому что это зависит в основном от той информации и от тех знаний, которые еще не созданы предпринимателями, и, следовательно, пока неизвестны.

Соответственно экономическая теория может предсказывать только общие тенденции (то, что Хайек называет «*паттернами*»). Такие прогнозы носят теоретический характер; они относятся к негативным последствиям институционального принуждения (социализма и интервенционизма) по отношению к рынку.

Следует также помнить, что доступных для непосредственного наблюдения объективных фактов внешнего мира не существует, потому что согласно субъективистской теории австрийцев «факты» экономической науки – это *идеи* – то, что люди думают о собственных целях и действиях. Эти факты нельзя непосредственно наблюдать, их можно только интерпретировать в историческом контексте. Чтобы дать интерпретацию социальной ситуации, которая является фактом истории, необходимо обладать теорией, а также ненаучным суждением о значимости

(*Verstehen*, или «пониманием»). Понимание не объективно; у разных историков разное понимание исторических событий, что делает эту дисциплину (историю) настоящим искусством.

Наконец, австрийцы полагают, что эмпирические феномены непрерывно меняются, и, следовательно, в сфере социального нет параметров и констант, а есть лишь «переменные». Это ставит под сомнение традиционную цель эконометрики, а также разнообразные версии позитивистских методологических подходов (от примитивного верификационизма до утонченной попперианской фальсификации). В отличие от неоклассиков, стремящихся к позитивистскому идеалу, теоретики австрийской школы строят свою систему на априорных и дедуктивных рассуждениях. Их задача состоит в том, чтобы создать полный логический и дедуктивный методологический арсенал²³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.